

Василий
Бодарков

МАНЬЯК

и Тайна
древнего
русского
клада

18+

Василий Боярков

**Маньяк и тайна
древнего русского клада**

«Автор»

2020

Боярков В.

Маньяк и тайна древнего русского клада / В. Боярков — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-95019-1

Небольшое поселение Ивановской области внезапно оказывается в центре повышенного внимания. Почему? По причине серии загадочных, изощрённых убийств, совершённых в отношении молоденьких девушек, выделяющихся заниженной социальной ответственностью. В то же самое время Елисеева Наташа, дочь покойного криминального лидера, отправляется во Владимирскую область, где занимается усердными поисками несметных сокровищ. Их спрятали богатые суздальские князья в далёком 13-м веке, во времена ужасного нашествия монгольского хана Батыя. Постепенно встаёт резонный вопрос: как жестокий маньяк-убийца соотносится со страшной тайной древнерусского клада?

ISBN 978-5-532-95019-1

© Боярков В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава I. Девичий труп и отделенная голова	9
Глава II. Суздальская трясина	16
Глава III. Жуткое зрелище	21
Глава IV. Ситуация вокруг сокровищ все более осложняется	32
Глава V. Допрос с пристрастием и новая жертва	41
Глава VI. Охота на девушку началась	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Боярков

Маньяк и тайна древнего русского клада

Пролог

Подходило к завершению одно из самых жестоких столетий, когда-либо известных со времён существования разумного человечества. Заканчивался ноябрь 1998 года; он плавно готовился перейти в декабрь, а затем стремительно ворваться в последний год уходящего в прошлое второго тысячелетия. Чем же знаменателен тот переходный период, приковавший к себе столь пристальное внимание?

Не стоит углубляться во все хитросплетения общественной жизни, какие в те далёкие времена происходили в Великой России, а следует остановиться лишь на единственном частном случае. Он вытекал из всего того невысказанного хаоса, что образовался в некогда могучей стране, теперь же раздираемой на части бессовестными политиками и бандитскими группировками.

Итак, наступил третий вторник на удивление погожего ноября. Двигаясь осторожной походкой, по пустынной ивановской улочке неторопливо пробирается молодой человек, одетый в чёрную кожанку и обыкновенный спортивный костюм; на ногах обуты потрёпанные, выдавшие виды, кроссовки. Угнетённым состоянием и угрюмой, но красивой физиономией он выражает затаённый испуг, заставляя предполагать, что с ним приключились какие-то крутые, неразрешимые неприятности. Озираясь по сторонам, словно бы опасаясь, что из крошечной тьмы покажутся лихие преследователи, мужчина бросает пугливые взгляды на окружающую пустынную местность. Стоит глубокая ночь; на улице не видится ни единого человека.

Несмотря на позднее время, беглец оказался не одинок – его сопровождает маленькая, шестилетняя девочка. Она напугана ничуть не меньше отца (а молодой человек, конечно же, приходится ей родимым отцом), поэтому периодически жалобно всхлипывает и увлажняет милые щёки непрошенными слезами, обильно сочащимися из ярко-зелёных, поистине изумрудных, глазок. Не стоит говорить, что девчушка тем привлекательнее, чем её маленькая головка украшается пышными белокурыми волосами, а продолговатое личико, нежное и прекрасное, выглядит практически безупречно.

– Папа, – обратилась она к встревоженному мужчине, не в силах скрыть явную дрожь, появляющуюся в совсем ещё юном голосе; вопреки необычной ситуации она продолжает сохранять мелодичные и звонкие интонации, – я очень боюсь. Когда мы уже придём?..

Куда именно они собирались, дочка не уточнила, потому что (если уж быть правдивым) и сама не знала, куда ее увлекает беспечный родитель. Хотя она была ещё достаточно несмышленной, но по тому подавленному состоянию, в каком последние часы пребывал обеспокоенный, удручённый отец (казалось бы, всегда жизнерадостный и обычно спокойный?), малышка (каким-то невероятным детским чутьём!) отчетливо понимала, что случилось что-то очень серьёзное и что их жизни подвергаются вполне реальной опасности. Наверное, поэтому она и была всецело уверена, что сообразительный молодой человек обязательно найдёт какой-нибудь приемлемый выход и что он сможет сделать так, чтобы они надёжно спрятались, избежав сгустившихся над ними неведомых неприятностей. Именно по той надуманной причине она и задавала тревожный вопрос, и с надеждой поглядывала на озабоченного родителя, и дожидалась утвердительного, прямого ответа.

– Прости, Наташенька, – печальным голосом ответил смущённый спутник, опускаясь перед ней на колени, – но, видимо, сейчас нам отправиться некуда... Твой папа втянул тебя, милая детка, в нехорошее, весьма и весьма опасное, дело, а как из него удачно выбираться –

он просто не знает. Меня, скорее всего, убьют, – Наташа всхлипнула гораздо сильнее, – поэтому я поведаю тебе одну жуткую, страшную тайну, которой я сделался случайным свидетелем и из-за которой с нами и случились все последние немалые неприятности.

– Какую тайну? – сквозь слёзы промолвила рыдавшая девочка.

– Недавно мой босс, – начал грустную повесть угрюмый рассказчик, увлажняя тоскливые очи струившейся влагой, – раздобыл одну секретную карту, где с достоверностью было указано, как можно найти спрятанное древними русичами редкостное сокровище. Я имел большую неосторожность – завладел той ценной находкой, и именно из-за моего непродуманного поступка наши с тобой жизни и подвергаются сейчас нешуточной, едва ли не самой ужасной опасности. Так получилось, что оригинал той карты был уничтожен, но я вовремя успел нарисовать с него поддельную копию – ты же знаешь, как я отлично рисую? – заплаканная девочка кивнула белокурыми локонами; мужчина тем временем продолжал: – Я разделил ее на две равные части и спрятал их в двух маленьких медальонах: один отдал твоей маме, другой оставил себе.

Молодой человек достал из кармана простенький овальный предмет, нажал на миниатюрную кнопку и открыл его верхнюю крышку. Внутри оказалось изображение привлекательной девушки, очаровательной улыбкой «смотревшей» с имевшейся в основании корпуса глянцевой фотографии.

– Здесь, – продолжал смятенный повествователь, не перестававший плакать, но и стремившийся взять себя в руки, – между вставленной фоткой и металлическим корпусом как раз таки и спрятан тот злосчастный клочочек. Я отдаю медальон тебе. Храни его как зеницу ока... до поры до времени, пока не станешь достаточно взрослой. Тогда вы с мамой соедините две половинки и добудете то несметное богатство, которое сможет обеспечить вам полностью безбедную жизнь – вплоть до самого окончания века! Никому не говори про имеющуюся частичку – даже собственной матери! – потому что никто на свете не должен быть в курсе, что тебе известна та жуткая тайна. А иначе?.. Не останется тебе на спасение совсем никакой надежды. Я-то, уж точно, едва лишь прознал о чужом великом секрете, сразу сделался обречённым на глупую смерть, но тебя я попробую выручить – попытаюсь отвести от любимой дочки неминуемую большую опасность! Пока я тебя куда-нибудь спрячу, а когда из родильного дома – где, как известно, наша мама рождает младшего братика – её немного попозже выпишут, вы оба друг друга отыщете. Дальше станете просто жить, насовсем избавившись от тягостных, мучительных неприятностей. Меня к тому времени «по-любому» не будет, то есть вы перестанете подвергаться суровому риску.

После последних слов зеленоглазая малышка разразилась безудержным рёвом и, не в силах промолвить ни слова, бросилась к ближайшему родственнику на сильную шею; она крепко прижалась к нему и хрупким, и маленьким тельцем. В то же самое время отец прятал бесценный кулон в карман её верхней куртки; закончил он как нельзя более вовремя, так как именно в последний момент (словно из ниоткуда!) возникли три мужские фигуры, разгоряченные быстрым бегом и одетые в утеплённые костюмы, больше пригодные для спортивного тренинга.

– Ага, поганый мерзавец! – проговорил тот, что выглядел представительнее всех остальных. – Попался, «паскудная гнида»! Долго мы за тобой пробегали, но, как водится, «Бог не Никита-Харинский», и он отлично видит, кому воздать по всем его паршивым заслугам, – настал и тебе, «прогневший братан», черёд сполна расплатиться.

– Хватит с ним лясы тупые точить, – резким окриком оборвал говорившего маленький, плюгавенький человечик, хотя и не обладавший значительной силой, но среди остальных выделявшийся и сильным духом, и мужественной натурой (явно он обладал в той группе безграничным авторитетом), – босс сказал, что «валить» его нужно сразу: он узнал некую ужасную

тайну, неподвластную нормальному пониманию. Понятно, жить с таким тяжким грузом ему стало попросту не под силу, хи-хи! – он злорадно хихикнул.

И тут же!.. Достал из кармана дореволюционный револьвер, приставил дуло напрямую ко лбу опешившего мужчины (как известно, стоявшего на правом колене) и произвёл один, единственный, выстрел, оборвавший брэнное существование предавшего человека.

– Убей малую девчонку, – бросил отморозенный бандит грубо, кивнув второму бандиту, заговорившему первым, – нам велено сделать всё аккуратно и не оставить за собой совсем никаких «следов».

Громила, к которому обращались сказанные слова, поражённый безграничной жестокостью, открыл было рот... однако возразить ничего не посмел, а только молча поднял испуганную малышку и понёс её в затемнённую неизвестность глухого проулка.

– Правильно, – с усмешкой прокричал ему главный, – а трупик девчачий выбрось в сточную канаву, да надёжнее спрячь – чтобы искали подольше.

Он беззастенчиво рассмеялся (как считал) удавшейся шутке, а его могучий товарищ, отошедший на приличное расстояние, в то же самое время зажимал огромной ладонью трепетный ротик и опускался перед беззащитной малюткой на оба колена.

– Послушай-ка меня, малая детка, очень внимательно, – говорил он повелительным полупшепотом, – от того непреложного условия, как ты себя сейчас поведёшь, будет зависеть серьёзное обстоятельство – останешься ли ты в живых или же нет.

Не в силах сдерживать беспрестанно струившихся слёз, маленькая девчушка (какой-то не по-детски развитой интуицией!) нежданно-негаданно осознала, что странный большущий дядька почему-то питает к ней исключительно добрые чувства. Сама не зная, как получилось, она перестала хныкать и молча внимала, что ей теперь говорилось. Сердобольный мужчина настойчиво продолжал:

– Я сейчас выстрелю вот из «этого» пистолета, – он показал оружие модели ТТ, – чтобы ты несколько не пострадала. Тебе должно тупо молчать и ни в коем случае не реветь, иначе сюда придёт тот дядька, другой, а он-то тебя уж, не «сумлевайся», не пожалеет.

Наташа утвердительно кивнула белокурыми волосами, отчётливо подтверждая, что понимает предельно ясно. Тем временем обильные слезы, лившиеся по дрожавшим щекам, увлажняли гладкую, нежную кожу, не забывая проникать и в приоткрытый, но молчаливый роток. А сострадательный бандит подводил милосердное напутствие к логичному завершению:

– Я оставляю тебя здесь, в придорожной канаве. Ты непременно дождёшься, пока мы все не уйдём. Потом выбирайся наружу и сразу же отправляйся домой. Тут ни в коем случае не задерживайся, над убитым родителем ни разу не плачь. Всё ли тебе, малая деточка, ясно?

– Да, – дрожавшим голосом проговорила понятливая малышка, совсем как взрослая собрав воедино всю детскую волю.

В тот ключевой момент раздался грубый окрик (того!), кто отдавал в преступной группе категоричные приказания:

– Ты чего, Буйвол, так долго? «Застрял», что ли, в хлипкой девчонке? – на чудовищной фразе послышался злорадный смешок, возвещавший, что говоривший выродок, а заодно и его беззаботный спутник довольны сильнее обычного; однако длилось дурашливое веселье недолго, и маленький человек, просмеявшись, визжавшим голосом крикнул: – Если решил позабавиться, то мы здесь вовсе не для того – найдёшь себе кого-нибудь после! Давай кончай маленькую «стервозку», да пора уже сваливать, а то мы и так уже основательно задержались.

– Всё, дольше медлить нельзя, – пробурчал доброжелательный незнакомец, направляя воронёное оружие кверху, – зажмурься – и... тогда я стреляю.

Наташа тотчас же исполнила нехитрое указание, и в то же мгновение прозвучал пистолетный выстрел, для остальных возвещавший, что грязная миссия закончена полностью. Как и обещал, человечный бандит спустил перетрусившую малышку в придорожный кювет, где

она, обливаясь нескончаемыми слезами, продолжила беззвучно рыдать; сам же он вернулся к циничным поделнякам и неестественно грубым тоном отчитался о якобы совершенном отвратном убийстве:

– Как всегда, мне достается наиболее «затхлая» работёнка: никто не хочет мараться и убивать совсем ещё маленького ребёнка. До чего же мы все докатились – с детьми безвинными начали воевать?! Тьфу!

Он смачно сплюнул на чёрную землю и пошёл стремительно прочь, увлекая за собой преступных сообщников, радующихся удачно выполненному кровавому поручению.

В то же самое время во втором родильном отделении молодая белокурая девушка, обладавшая удивительными глазами, изумрудными и бездонными, готовилась к сложным, преждевременным родам; её уже положили на хирургический стол и склоняли делать предродовые по́туги. Вокруг столпился медперсонал, одетый в белые спецодежды. Облаченные в одинаковые халаты, с лицами, закрытыми одноразовыми повязками, все они имели внешнюю схожесть и, за исключением различных фигур, не представляли существенного отличья. По-видимому, работники здравоохранительной сферы озаботились чем-то необычайно серьёзным, поскольку, переглядываясь между собою, полушёпотом обсуждали создавшуюся неоднозначную ситуацию.

– У неё началось обильное кровотечение, – говорил мужчина, казавшийся много более старшим, – а в существующих условиях мы навряд ли его сможем остановить – надо принимать какое-то ответственное решение.

– То есть, – переспросила моложавая медсестра, помогавшая при проведении родовых операций, – получается, надо спасать нерождённого малыша... а несчастная девушка?.. Пусть она остаётся попросту обречённой – так, что ли?..

– Похоже на то, – согласился опытный врач, беря блестящий острозаточенный скальпель, – я сделаю ей кесарево сечение, вначале достану младенца, а дальше будем пытаться спасти и молодую мамашу. Хотя?.. Если быть до конца откровенным, лично я не вижу никакого определённого смысла.

– Постойте, – взмолилась истекавшая кровью прекрасная пациентка, наполняя зелёные глаза обжигающей влагой, – перед тем как я скоро умру, окажите мне маленькую услугу...

Она замолчала, вероятно пытаясь на что-то непростое решиться, а после того как доктор ответил: «Говорите, мы сделаем всё, что находится в наших силах», трепетно продолжала:

– Видите: у меня имеется простенький медальончик, – измученная роженица показала на болтавшуюся на шее дешёвую (даже не серебрянную) вещицу, – я бы хотела, чтобы он в любом случае оказался у родившегося ребёнка. Пусть он и не дорогой, зато будет служить ему долгой памятью о безвременно ушедшей родительнице. Пожалуйста, сделайте так, как я вас прошу: для меня это очень и очень важно.

– Хорошо, – любезно согласился профессиональный целитель, не видя в обыденной просьбе ничего сверхъестественного либо невыполнимого, – мы поступим соответственно, как Вы и просите, – прикрепим означенный предмет к сопроводительным документам. Сейчас же я советую Вам расслабиться: мы начинаем сложную операцию.

Безропотная девушка кивнула белокурыми лóконами, обозначая полное немое согласие; и в то же мгновение острый скальпель, ведомый заправским мастером, медленно надрезал упругую кожу, словно бы вздыбившуюся на неестественно большом животе. Бедовая страдала тихоночка вскрикнула – и той же секундой лишилась сознания. Больше оно к ней никогда уже не вернулось: медленно, но бесповоротно молодая жизнь покинула прекрасное тело, так и не познавшее всех удивительных прелестей земного существования.

Глава I. Девичий труп и отделенная голова

Градов Денис Арсеньевич родился в конце ноября 1998 года. Вырос он в обыкновенной, ничем не примечательной, российской семье. После окончания средней школы, а затем срочной военной службы, как отличник боевой и политической подковки парень определился на полицейскую службу. Он сразу же поступил на заочное обучение в нижегородскую академию, а служить его перевели в один из захолустных поселков, который располагался на краю Ивановской области и именовался интересным названием Нерша (обозначен условно). Ему поручалось занимать незавидную, но почётную должность младшего оперуполномоченного уголовного розыска.

Шёл апрель 2019 года. Молодому человеку только-только исполнилось двадцать лет, и он был полон безграничной энергии, вкуче с амбициозными планами, шедшими в далёкое будущее. Его подтянутая внешность выглядела складно, уверенно, стройно; периодические занятия спортом и ведение здорового образа жизни нашли немалое отражение в коренастой фигуре, казавшейся и сильной, и ладной, и развита. Привлекательное лицо представлялось молодым, поистине юношеским, но и передавало небывалую внутреннюю уверенность, общую стойкость волевого характера; виделось оно не по-мужски красивым, точно у миловидной девушки. Среди общих очертаний особенно выделялись следующие черты: серо-карие очи, наполненные въедливой пронизательностью и горевшие задорной весёлостью; прямой, чуть крючковатый, нос, передававший необходимую долю нарочитой суровости; плотно сжатые губы, тонко очерченные и украшенные негустыми, аккуратно подстриженными, усами; тёмно-русые волосы, коротко остриженные и уложенные в причёску, сведённую на бок; круглые уши, чуть оттопыренные, но не выдававшие значительной лопухости; смугловатая кожа, выдававшая отдалённые южные корни. Поскольку Градов находился на полицейской службе всего-навсего первый год, то он никак не зарекомендовался, а конкретными делами особо не проявился: на оперативную должность его назначили месяц назад, и он только-только вникал в основные сыскные обязанности.

В то апрельское утро, пришедшееся на середину месяца, Дениса разбудил телефонный звонок, прозвучавший в съёмном домике ровно в половине шестого утра.

– Собирайся, – грубо буркнул местный начальник, – и выдвигайся в поле, находящееся сразу же за улицей Красноармейская. Следуй по городской дороге, ведущей на выезд: там обнаружили излишне подозрительный труп.

Посёлок не считался слишком большим, но в нём присутствовал собственный полицейский участок, а потому руководитель подразделения, по сути являвшийся человеком амбициозным, предпочитал полагать, что несёт повседневную службу не в глухой, отдалённой провинции, а в развивающемся маленьком городе. Не раз успев столкнуться с высокомерной натурой самовлюблённого человека, Градов не стал особенно спорить – опровергать неверное изречение; наоборот, он ответил, что порученное задание отчетливо понял и незамедлительно выдвинется на место. Точно так же он не рискнул выяснять, в чём выразилась странная трупная подозрительность, упомянутая более старшим сотрудником (по его мнению, сам факт, что мёртвое тело находится в чистом поле, является ненормальным, совсем неестественным).

Молодому человеку, недавно завершившему почётную воинскую повинность, потребовалось пять с половиной минут, чтобы собраться по полной выкладке, требуемой в неординарных, экстренных случаях. Как заведено служебным уставом, оперативному сотруднику необходимо носить одежду, никоим образом не передающую принадлежность к внутренним органам. Денису не составило большого труда облачиться в удобные чёрные джинсы и непродуваемую болоньевую ветровку, оказавшуюся однотонного цвета; на ногах, в отличие от молодёжных правил, предполагавших фирменные кроссовки, помещались лёгкие, но прочные туфли. Пре-

красно понимая, что наступивший день изрядно затянется, он (пока прогревалась машина, купленная в подарок отцом) по-быстрому соорудил отдалённое подобие сэндвича и выдвинулся к жуткому происшествию.

Естественно, Денис прибыл много позднее непосредственного руководителя, подполковника полиции Карелина Германа Петровича. Являясь человеком среднего роста, тот выделялся тучной фигурой, делавшей его необычайно огромным; впрочем, независимо от лишнего веса (и как не покажется странным?), он слыл и подвижным, и энергичным, и непоседливым (очевидно, сказывались долгие годы службы и укоренившаяся привычка – всегда быть в полной готовности). По своенравной натуре он угадывался человеком властным, высокомерным, непримиримым к мнению, не совпадавшему с его единоличными мыслями. Недавно зрелый мужчина достиг сорокалетнего возраста и считался состоявшимся, имевшим для занимаемой должности все нужные качества. Из внешних особенностей можно отметить привлекательное лицо, обладающее серо-голубыми глазами, излучающими непомерную глупость, деспотическое самодурство и чопорное упрямство; вздёрнутый нос создавал банальное впечатление, что перед тобой находится тип, отличающийся детской капризностью. Остальные признаки ничем особо не выделялись: пухлые, выпиравшие в стороны, щеки выдавали большого любителя вкусно покушать; тонкие губы, по-девичьи чуть вздернутые, прикрывались густыми усами, однотипными с русыми волосами, аккуратно зачёсанными назад и начинавшими легонько сесть; лопухие уши широко топорщились по разные стороны; гладкая кожа выглядела слегка маслянистой. На срочный выезд он прибыл, облачённым в форменное обмундирование.

Когда подъехал Градов, растерянный руководитель нетерпеливо ходил по двухполосной дороге, удалившись на двести метров от дорожного знака, обозначающего окончание населённого пункта; по внешнему виду он казался неестественно озабоченным – создавалась немаленькая уверенность, что суровый мужчина видел (ТО!), ради чего и переполошился весь поселковый личный состав. Судя по его взволнованной физиономии, ему представилось нечто такое, с чем бывалому офицеру если и приходилось когда-то, в прошлой практике, сталкиваться, то, уж точно, нечасто.

– А-а, приехал, – сказал он дрожащим голосом, когда Денис припарковал хотя старенькую, но резвую иномарку (как и положено, он поставил её к ближайшей обочине), – ждём остальных, а потом начнём разбираться. Вот, «...мать его», чудовищный случай?! Служу уже долгие годы, но, честно скажу, подобного мне видеть покамест не приходилось.

– Случилось что-то серьёзное? – поинтересовался молодой полицейский, желавший побыстрее посмотреть на (ТО!), что так разволновало опытного, всякого повидавшего, офицера.

В ответ тот взглянул на любопытного сослуживца, как на человека, произнёсшего очевидную глупость. Презрительно усмехнувшись, он передал ему личное превосходство, а следом пренебрежительно пояснил:

– Скоро узнаешь, а пока подожди, да, гляди, ничего не затопай... Хотя, нет – отставить! – махом изменил он прежнее указание. – Чего зазря прохлаждаться да тянуть драгоценное время? Ступай-ка лучше опрашивать местных жителей: может статься, кто чего и видел, и захочет с тобой поделиться. А иначе?! Удачи нам не видать.

То была излюбленная фраза полицейского подполковника, означавшая, что он находится в исключительно затруднительном положении. Оспаривать непреклонное решение здравого смысла не было, поэтому молодой оперативник, не возражая против озвученной расстановки, отправился выполнять прямые обязанности. Он последовал к ближайшему двухэтажному дому, (как и дорожный знак) означавшему окончание населённого пункта. Хотя время случилось раннее, но в многоквартирном доме никто не спал: кто-то собирался на работу, кто-то просто вставал, в силу сложившейся давней привычки, а кого-то будили рано поднявшиеся соседи. Вопреки удачному (вроде бы?) обстоятельству (не приходилось неистово барабанить по

закрытым дверям, привлекая к себе излишнее внимание и вызывая ненужное недовольство), открывали недовольные хозяева не слишком охотно (не говоря уже, чтобы они выказывали большое желание чересчур откровенничать). Обойдя в недобром ключе семь соседствующих квартир и не найдя никакой интересующей информации, молодцеватый сыщик остановился перед ветхой, обшарпанной дверцей, изготовленной в далёкие советские годы (когда на дополнительной прочности достаточного внимания особо не акцентировали).

На настойчивый стук открыла старая женщина, достигшая не меньше чем девяностолетней отметки. Она смотрелась и худощавой, и высохшей, и немножечко страшной. Скрежетавшим голосом она попыталась выяснить, зачем к ней пожаловал незнакомый молодой человек:

– Слушаю Вас. Вы, что ли, из местного «жека»?

Вероятно, на старушечий ум никто другой не пришёл, а потому она и открыла спокойно дощатую дверь и свободно впустила нежданного гостя. Не являясь закомплексованным, а ещё и будучи от природы несколько нагловатым, полицейский сотрудник вошёл в двухкомнатную квартиру, где, долго не раздумывая, направился на непросторную кухню. Оказавшись в искомом пространстве, он без стеснения уселся на одну из трёх табуреток и принялся ожидать, когда неторопливая старушка «дошаркает» тоже. Она появилась ровно через минуту, преодолев входное расстояние, равное чуть более пяти метров. Едва престарелая владелица появилась, прилежный оперативник тот час же и обозначился:

– Скажите, пожалуйста, уважаемая хозяйка, Вы ведь постоянно находитесь в доме? – сказал, а наблюдая целевое сомнение (чтобы внести законную принадлежность) побыстрее добавил: – Я Градов Денис, работаю в уголовном розыске – мне необходимо прояснить у Вас некоторые ключевые моменты.

Только тут до смущённой женщины начало доходить, что перед ней находится никакой не представитель жилищно-коммунального хозяйства, который обязан обслуживать отдалённый провинциальный посёлок. Переваривая услышанное, она на короткое мгновение ступевалась, но почти сразу (вероятно сообразив, что год сейчас вовсе не тридцать седьмой, а нежданный гость не представляет службы НКВД и ни несёт с собой никакой опасности) обрела душевное равновесие, глубокое равнодушие.

– Чем могу содействовать внутренним органам? – допытывалась пожилая хозяйка; она присела, оказавшись прямо напротив сотрудника правоохранительных органов, и назвала и фамилию, и полное имя: – Аникина Екатерина Афанасьевна – я... давно здесь живу.

– Вот и отлично, – перебил её нетерпеливый оперативник, желавший поскорее закончить скучное дело и приступить к познавательному осмотру криминального трупa, – мне необходимо получить у Вас несколько простых разъяснений, после чего я сразу уйду, – заранее предупредил, а следом одним потоком выложил все базовые вопросы: – Вы ведь ничего не видели сегодняшней ночью? Вам, точно, не показалось ничто подозрительным? Может, слышали какие-нибудь посторонние звуки либо же громкие крики? Или кто-нибудь призывал на помощь?

Торопливый сотрудник, не набравшийся служебного опыта, разом замолк и уставился на престарелую собеседницу настойчивым взглядом. Та с пару минут помолчала, словно что-то в старческой памяти восстанавливала, а потом, собравшись с насущными мыслями, изложила их непоседливому представителю полицейской структуры:

– Я, мил человек, ночами тёмными сплю очень чутко, а если быть точной, то практически не засыпаю совсем – так только... погружаюсь в недолгую полудрёму. К чему это я? Ага, вспомнила! Сегодня мне практически не спалось, и я слонялась одна-одинёшенька, не представляя, чем бы ещё заняться. Понятно, ходить мне наскучило, и я остановилась перед передним окошком, бесцельно поглядывая на близлежащую улицу.

– Хорошо, – вновь прервал её Градов, желая проявить блестящую эрудицию и показать престарелой женщине, как он умеет складывать строящуюся логическую цепочку, – как я понимаю, Вы, Екатерина Афанасьевна, кого-то увидели?..

– А ты, голубок неугомонный, лишний раз не встрейвай, – недовольная хозяйка перекосилась сердитой гримасой, – и непременно узнаешь.

Она по новой замолкла, как будто в горемычной головушке что-то нечаянно выключилось, и надолго задумалась, опустив книзу дряхлый, старушечий образ. Денис уже пожалел, что прервал её гладкий устный рассказ; наперёд он давал себе твёрдое слово – подобного больше не делать. Когда минуло пять минут, а сникшая женщина всё ещё тупо молчала, он вдруг не выдержал и подтолкнул «старую вретину» к дальнейшему продолжению:

– Уважаемая, Вы, кажется, хотели сообщить нечто очень и очень важное, касательно того обстоятельства, что Вы видели в ночное окошко?

– Да, – словно очнувшись от глубокого сна, промолвила престарелая хозяйка квартиры, поднимая поседевшую голову и старческим взглядом оглядывая дотошного собеседника, – я, и взаправду, лично уличезрела, как по уличной дороге идёт человек, одетый в пугающее, чёрное одеяние.

Странноватая старушка опять замолчала, внимательно изучая бойкого сыщика и словно бы к чему-то примериваясь. Через пару минуток Градов почувствовал, что непутёвую рассказчицу необходимо подначивать снова, и тотчас же пытливо промолвил:

– Он был один?

– Нет, – престарелая владелица резко выдохнула, точно бы на что-то (такое!) решилась, – он нёс на плече что-то слишком тяжёлое; но сразу скажу – то была непростая ноша.

– Интересно?.. И что же им перетаскивалось?

– Он тащил безвольного человека, – гордо выпрямив спину, заключила Аникина, – но не простого человека, а молодую мёртвую девушку.

– Что?! – полицейский невольно вскрикнул от полного удивления. – Что Вы хотите сказать?

– Только то, мил человек, – вдруг съжившись и начав озираться по всем сторонам, словно боясь, что их случайно подслушают, продолжала Екатерина Афанасьевна, – что тот моложавый мужчина переносил на себе убиенную, покойную жертву, – она не стала дожидаться, когда её прервут наводящим вопросом, а озвучила его самолично, – ты спросишь: почему я решила, что она являлась особой юной и что она непременно была убита? Так я тебе, неугомонный милоч, правдиво отвечу: её густые длинные волосы безвольно спускались до самой земли, а главное – голова её, безжалостно отделённая, переносилась тем жутким, таинственным человеком. По одежде яркой обезглавленная девица походила на развратную потаскуху, не склонную к общественной нравственности.

– Даже так? – искренне подивился Денис, тронутый ужасным повествованием; отдаваясь служебным обязанностям, он попробовал допытаться до личностных сведений: – Вы смогли разглядеть предполагаемого убийцу? Как он конкретно выглядел?

– «Окстись», голубок неуёмный, – сморщилась и так-то некрасивая женщина, сделавшись страшной, похожей на старую ведьму, – ночь же была, непроглядная, – не виделось совсем ничего. Хотя, нет, постой... – внезапно она оживилась, как будто в старческой памяти всплыло какое-то важное, едва ли не ценное обстоятельство, – вспомнила, точно! Идя по дорожному покрытию, он вышел под фонарное освещение...

– Ну и?.. – не выдержал Денис нервного напряжения, посещавшего каждого сыщика, перед тем как удавалось приблизиться к закономерной разгадке. – Вы его распознали?

Престарелая женщина как-то странно взглянула на напористого допросчика, не то увидела нечто призрачное, не то на удивление небывалое, не то, возможно, и чего-то более сверхъестественное. От пронзительного взора у Градова сильно похолодело внутри и как-

то необычайно помутилось в недоумённых глазах, будто он находился в преддверии каких-то непредвиденных, чудовищно страшных, событий. Не в силах объяснить себе странного состояния, психологически натренированный сотрудник внутренним напряжением взял себя в руки... Однако не до конца, что стало понятно по дрожавшему голосу, когда он следом заговорил:

– Так кто же всё-таки он такой?

Отвечая, Аникина долго не думала; напротив, озабоченным голосом она разъяснила, что, как бы не захотела, внести в незнакому личность ясность, к сожалению, никак не получится.

– Честно скажу, я вовсе его не знаю.

– Но Вы же сказали, – произнёс разочарованный полицейский, не понимая, чем же был вызван тот жутковатый страх, на крохотное мгновение охвативший не робкую (в общем-то) душу, – что вроде бы разглядели?..

– Я и не отрицаю, – согласилась старая женщина с ранними утверждениями, – я его увидела; но кто он такой – доподлинно неизвестно.

В критические моменты, когда, казалось бы, преступная дичь уже поймана, но и когда ты неожиданно понимаешь, что гнался по ложному следу, в душе любого оперативника происходит внутреннее опустошение – теряется сыскной интерес, чтобы и дальше продолжить следовать неправильно выбранным направлением. Принимая во внимание острую служебную необходимость, требующую детально изучать внезапно проявляющиеся моменты, Градов снова спросил, но, говоря по совести, без всякого интереса:

– Екатерина Афанасьевна, Вы хоть внешность-то его, злодейскую, помните – описать её сможете?

– Чего же про неё особо распространяться?.. – с явной опаской, но и уверенным говором промолвила старая женщина. – Я отведённый век уже отжила – и бояться мне нечего!

– Не понял? – удивился насторожённый оперативник. – Что Вы хотите сказать?

– Только то... – немного смутившись, но принимая горделивую позу, отвечала Аникина, – говоришь, тебе необходимо описание басурманской наружности?.. Посмотрись в зеркальное отражение и увидишь того убивца, какой нынешней ночью шёл по продольной шоссе-сейной дороге.

– Что Вы «несёте»?! – не выдержал полицейский и непомерной, и неожиданной наглости; он резко подскочил с им занятой табуретки. – Как – именно я! – могу к нему относиться?

– То, сынок неужённый, мне нисколько не ведомо, – съёжившись, а затем отшатнувшись, промолвила сморщенная старуха, – ты спросил, как выглядел кровавый убийца, – вот я честно тебе и ответила. Если то был не ты, то жуткий парень виделся твоей натуральной копией – только вот и всего... Я сказала, что сама уличила собственными глазами.

– Странно? – еле слышно пробурчал озадаченный полицейский, основательно начинавший предполагать, что ничего другого, более дельного, в старушечьей квартире выяснить не получится; он громогласно провозгласил: – Спасибо, добрая очевидица, вы очень нам помогли! Если вспомните что-то ещё – более чем конкретное! – сразу позвоните по моему мобильному номеру, обозначенному на личной визитке, – он достал картонную карточку и протянул ее хозяйке квартиры; в тот момент, когда она её приняла, о чём-то вспомнив, решил уточнить: – А почему – Вы! – видя явное противоправное действие, не позвонили в полицию и не подняли сплошную тревогу?

– Легко тебе, голубок «бойкой», говорить, – дребезжавшим голосом проговорила язвительная старушка, – ты вона какой молодой да не в меру сильный! Я же одинокая старая женщина – разве, думаешь, мне в тот жутковатый момент не сделалось страшно? Тем более что и телефона-то у меня никакого нет – мне давно уже больше чем девяносто лет. До сих пор я прожила без новомодных мобильников, поверь, и дальше мне они тоже ни к чему не понадо-

бьтся: родных у меня нет, звонить мне особо некому. Если бы ты, случаем, не зашёл, то я бы ни с кем не говорила чуть менее полугода.

«Как же она покупает продукты питания?» – хотя у Градова определённый интерес и возник, но всё-таки он решил поберечь эффективное рабочее время и немедленно устремился на улицу. Прямо перед подъездом он столкнулся с участковым уполномоченным, как и он, посланным проводить поквартирный обход, подробный опрос. Шаронов Игорь Васильевич, немолодой уже человек, давно уже достиг сорокалетнего возраста. Раньше он работал на должности начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями; однако там у него получилась какая-то неприятная ситуация, и высшее руководство, единственно, чем ему помогло, – сослало дорабатывать до пенсионной выслуги в самое глубокое захолустье. Несмотря на значительный возраст, выглядел он стройно, подтянуто: сказывались постоянные тренировки, за долгую службу ставшие неотъемлемой, едва ли не стойкой привычкой. Говоря о приятном лице, оно представлялось по-мальчишески худощавым и отличалось серыми глазами, огромным орлиным носом, а также густыми усами, как и короткие волосы, значительно поседевшими. Считаясь сотрудником уличной службы, оделся второй сослуживец в форменное обмундирование старшего офицера, дослужившегося до звания майора полиции. Он аккуратно заходил, когда младший оперуполномоченный, находившийся в страшном смятении, летом выбегал от одинокой, ежели не одичалой старухи, вдобавок ещё и до крайности необычной.

– Ты чего несёшься словно бы угорелый? – спросил Шаронов встревоженного коллегу. – Ты случайно не у полоумной старухи сейчас побывал?

– Да, – утвердительно кивнул молодой человек, всё ещё находясь под неосознанным впечатлением; он моментально уловил то «нужное» слово и счёл необходимым просветиться более основательно: – А она что, действительно «не в себе»?

– Уже последние лет эдак двадцать, – усмехнулся опытный, бывалый сотрудник, – у неё давно не осталось ни родных, ни знакомых, ни отличных друзей, ни близких подруг. Живёт она как затворница, из квартирных пределов практически не выходит. Продукты ей раз в неделю приносит работница социальной защиты и побыстрее уходит, чтобы – не дай-то Бог! – не попасть под мнимое подозрение...

Договорить Игорь Васильевич не успел, потому как вмешался крайне озабоченный юноша, обязательно пожелавший выяснить ту поведенческую причину, которая проявилась у престарелой жительницы, давно уже выжившей из ума.

– В смысле, под подозрение?

– В прямом, – старослужащий майор искажился злорадной ухмылкой, – как раз потому-то с ней никто и не хочет общаться, что всякого, кто тем или иным способом пересекается соседним путём, она обвиняет в несуществующих, неприятных, а иногда и преступных вещах, прескверных проблемах. В прошлом году – ты тогда ещё не работал – она и меня, когда я пришёл разбирать очередную никчёмную кляузу, заподозрила в позорном хищении накопленных капиталов. Слава Богу, они потом благополучно нашлись в самом «дальнем» углу, заваленные вонючим хламом и засунутые в протухший войлочный валенок; старая «ведьма» основательно их завернула в десяток грязных пакетов. Эх! И неприятностей же я тогда, нешуточных, натерпелся, пока не нашлась та денежная пропажа, якобы мною похищенная! До чего тогда полоумная «дура» додумалась? Она соизволила пожаловаться на меня напрямую районному прокурору – написала уродливое письмо, мол, я её бессовестно обокрал. Ха-ха! А там только того и ждут, как бы соорудить очередное уголовное дело, возбужденное на нерадивого полицейского. Ох, и «потаскали» же меня везде! Пока мой бравый напарник – пусть он будет всегда здоровым! – не отыскал её злосчастные грёбши, заявленные как мною украденные. Вот так-то, любезный братец... К чему я веду? Не надо верить всему, о чём тебе говорят, а наоборот, необходимо тысячу раз проверить и сотню перепроверить... так что, говоришь, она там «нарасказала»?

– Ничего, что заслуживает вдумчивого внимания, – отмахнулся смутившийся сыщик, не пожелавший обозначать надуманные моменты, и щекотливые, и крайне неловкие; ну, а чтобы перевести неприятную тему в другое русло, он озадачился встречным, наиболее ему интересным, вопросом: – Ты лучше скажи, товарищ майор, как продвигаются следственные дела на месте обнаружения жуткого трупа? Оперативная группа приехала? Они начали осматривать мёртвое тело?

– Нет, – уточнил поднаторелый сотрудник, – они ещё в пути, но вот-вот должны уже подъезжать. Когда с ними связывался Карелин, ему отвечали, что осталось доехать километров примерно пятнадцать – это было десять минут назад...

– А труп, убитый? Как он? – поинтересовался молодцеватый оперативник, зажигаясь сыскным задором и напрочь позабыв о неприятном разговоре, произошедшем чуть раньше с Аникиной, – Ты его уже видел? Почему начальник выглядит излишне взволнованным? Что там произошло необычного?

– Знаешь, – в очередной раз усмехнулся бывалый майор, выдавая безразличное отношение ко всему полицейскому делу, – если оставаться до конца откровенным, мне давно уже «по барабану», что происходит вокруг. До моего блаженного пенсионера осталось всего три месяца – а дальше? – только меня и видели. Успешное раскрытие нужно вам, молодым, поэтому «копайте», ищите! Я своё отслужил и благополучно собираюсь отправиться на долгожданный, заслуженный отдых. Это вон Карелину больше всех надо: ему неограниченную власть подавай. Лично я её с недавних пор вообще всюю презираю. Служебные обязанности я исполняю справно, переживать же за общее дело – как, скажем, несколько раньше? – я больше не собираюсь.

После откровенных, а главное безрадостных, слов Градов отчётливо уяснил, что участковому случившееся происшествие несколько не интересно. Не желая пускаться в губительную полемику, он заспешил с подробным докладом, искренне надеясь поучаствовать в последовательном осмотре «подозрительного», неестественно странного, трупа.

Глава II. Суздальская трясина

В то же самое утро, примерно в аналогичное время, на территории Суздальского района, расположенного неподалёку от поселкового образования Нерша, по дремучим лесам, раскинувшимся и без конца и без края, восседая на собственном «квадроцикле», продвигался привлекательный молодой человек. Сзади него, крепко обняв за гибкую талию и плотно прижавшись, сидела неописуемо красивая девушка. По их нежному отношению и умилённым физиономиям, нетрудно предположить, что двое поистине счастливых людей являются не только обыкновенными, простыми знакомыми, но и божественными созданиями, безумно друг в друг влюбленными. Кто же они такие?

Неотразимая красавица (как, наверное, стало ясно?) – это та маленькая Наташа, которую милосердно оставили жить (в далёком 1998 году) и которую сострадательно пощадил огромный преступный громила. Теперь она выросла, вся расцвела и превратилась в очаровательную особу, ни с кем не сравнимую и сказочно бесподобную; ей давно уже исполнилось двадцать шесть лет, и она всю блистала непревзойдёнными внешними данными. Елисеева Наталья Дмитриевна (а именно такое имя досталось ей от рождения) выделялась необыкновенными, изумрудного цвета, глазами (она ими попросту ослепляла) и обладала шикарными белокурыми локонами. Худощавое (как и изумительная фигура) лицо представлялось продолговатым; оно выглядело и милым, и восхитительным. Особенно на нём выделяются следующие примечательные особенности: удивительный ровный нос, выдающий благородную натуру и твёрдый характер; нежные, немного припухлые губы, приятным оттенком схожие с морскими кораллами; тонкие, без малых изъянов, дугообразные брови, передающие впечатлительный темперамент; загорелую кожу, гладкую и румяную, не требующую современной косметики; аккуратные уши, хотя и чуть оттопыренные, но удачно скрывающиеся за пышными блондинистыми кудрями. Вот такой прелестной красавицей и предстала та маленькая запуганная девчушка, которая сумела выжить в давнишней кровавой разборке.

Возвращаясь к давнему прошлому, когда она потеряла обоих родителей, волей-неволей Наташеньке пришлось воспитываться в государственном детском учреждении. Помимо всего прочего, там она подчерпнула жизненно необходимые качества: сугубо положительные – негибкую стойкость, повышенную выносливость и общую уверенность в нескончаемых силах; немножечко негативные – соразмерную наглость, непослушное своеволие и упрямую непримиримость к мнению, шедшему вразрез с её собственным. Можно без прикрас утверждать, что за время детдомовского существования, сначала маленькой девочке, а потом и юной девушке пришлось столкнуться со многими непомерными трудностями – а это, между прочим, помогло закалить не по-женски мужественную натуру и выработать неустрашимую, сильную волю. Впрочем, не чужды ей были и нежная ласка, и весёлое дружелюбие, и стеснительная застенчивость, что могло проявляться исключительно к близким людям. Как раз таким молодым человеком, к которому Елисеева прониклась самыми тёплыми чувствами, оказался американский предприниматель Майкл (или Майки) О'Доннелл.

Познакомились они на одном литературном брифинге, где Наташа презентовала новую книгу. Вопреки незавидному прошлому, она успешно закончила филологический факультет Шуйского педагогического университета и непринужденно занималась свободным фрилансом, включавшим в себя и рерайтинг и копирайтинг; все остальное свободное время она посвящала необузданной фантазии, беспрестанно роившейся бесконечными творческими замыслами, которые она аккуратно документировала в домашнем компьютере. У Елисеевой получались совсем неплохие произведения, мгновенно расхвалившиеся среди почитавшей аудитории, искренне полюбившей сентиментальные романы, выходившие из-под умелой, изрядно поднатеревшей, руки. Именно благодаря её увлечённому хобби, и появилась та редкостная воз-

можность, которая позволила познакомиться с успешным штатовским бизнесменом, случайно оказавшимся в Ивановской области, а с томительной скуки забредшим на региональную презентацию писательского таланта.

Едва достигнув тридцатипятилетнего возраста, мужчина выделялся отлично сложенным – выделялся могучим, развитым телом, приятной наружностью и природной мужской привлекательностью; ростом он выдался чуть выше среднего и имел атлетическую фигуру, где особое впечатление создавали широкие, сильные плечи. Приятное лицо представлялось книзу чуть вытянутым и включало в себя приятно закоренелые очертания: серые, немного голубые, глаза светились аналитическим разумом, но и не исключали молодцеватой игривости, задорной веселости; нос – в основном прямой, посередине украшался едва заметной горбинкой, выдававшей некоторую принадлежность к итальянской национальности (что особенно подчеркивалось смугловатым оттенком кожи); губы выглядели еле-еле припухлыми, что передавало общее, беззлобное добродушие; волевые скулы существенно выпирали и указывали на очевидное присутствие негибкой мужской воли, а заодно и твёрдой, едва ли не упрямой решительности; волосы укладывались короткой причёской, имели пепельно-сероватый оттенок и вообще не скрывали округлых ушей, и небольших, и плотно прижатых.

Неудивительно, что два и внешне и внутренне одинаковых человека тотчас же поняли, что созданы одна для другого. В тот день молодой кавалер дождался окончания просветительского мероприятия, и осмелился подойти к бесподобной красавице, и пригласил её отужинать в приличном ивановском ресторане. Недолго думая, Наташа, с затаённой радостью, тут же и согласилась. Впоследствии между ними завязались отношения гораздо более тесные, нежели обыкновенная сердечная дружба.

С того удивительного момента минуло почти полтора года – и вот настало долгожданное время, когда маленькая девчушка, выжившая в сложной, практически безвыходной, ситуации, решила найти то спрятанное сокровище, из-за которого в далёкие девяностые годы покойный родитель и поплатился молодой, внезапно оборвавшейся жизнью. Нетрудно догадаться, поисковые мероприятия взвалил на себя благонадёжный иноземный поклонник, взявшийся оплатить немаленькие расходы, направленные на приобретение походной амуниции и средств передвижения по непролазной, а где-то болотистой местности.

Они ехали уже полчаса, всё более углубляясь в лесную чащобу и оставляя на поросшей мхом болотистой почве две параллельные, хотя и вовсе неровные колеи. Внезапно! Прямо перед ними возникла топкая местность, и Майкл едва успел выжать спасительный тормоз и не позволил им углубиться в безвылазную трясику, отчасти опасную, а частью и беспощадную. Поневоле ему захотелось разразиться отборнейшей матерщиной, перемежавшейся как русской, так и американской словесностью, но, повернувшись назад и взглянув на одно из самых бесподобных творений, он тем же мигом и передумал. Сдерживая негативные проявления, О’Доннелл как можно спокойнее вымолвил:

– Кажется, приехали?.. Дальше нет никакого хода и придётся отыскивать объездные пути.

Он говорил с отчётливым иностранным акцентом, но (поскольку ему не раз доводилось вести дела на территории российского государства и последние годы он практически безвылазно находился в пределах страны) хваткий предприниматель сносно освоил русскую речь и старался строить фразеологические сочетания, согласно принятым правилам. Наташе (к слову, она неплохо понимала английский язык) не составляло большого труда понимать, что именно ей доносит услужливый воздыхатель. Невзирая на серьёзное заявление, Елисеева тупо молчала, размышляя о чём-то, видимо отрешённом, и становилось непонятно: слышит ли она, что разъясняет встревоженный спутник, или же, напротив, даже и не прислушивается? Разумеется, видя состояние глубокой задумчивости, представитель западной нации вознамерился повториться и лишь слегка изменил основную суть предполагаемых утверждений:

– Впереди болотистая трясина, и проехать далее ни за что не получится – надо либо менять последний маршрут, либо пытаться отыскивать объездные пути.

– Да, верно, – словно очнувшись от кратковременной дрёмы, ответила зеленоглазая девушка; она достала из утеплённой курточки мизерный клочочек бумаги, бережно заклеенный непромокаемой плёнкой. – Никак не пойму: что мы неправильно делаем, ведь всё же предельно просто?

Она внимательно уставилась в нехитрый рисунок, сделанный от руки, привлекая к внимательному занятию и американского провоза того же. По прошествии трёх минут, посвящённых глубокомысленным изучениям, молодой мужчина не выдержал и, слезая с «квадроцикла», деловито заметил:

– Не представляю, что мы пытаемся найти по неудачно составленной карте? Согласно нечётких ориентиров, приведённых на схематическом чертеже, лично мне и вовсе не ясно: сколько километров и в какую сторону необходимо проехать?

– Да, – не стала противиться любознательная особа, построже нахмурившись, – здесь действительно непонятно, какой и куда необходимо преодолеть фактический путь. Я уже, кажется, говорила, что представленная схема досталась мне едва ли не в младенческом возрасте – когда я была глупой и несмышленной девчонкой. Помимо прочего, она попала ко мне при странных, ежели не исключительных обстоятельствах, то есть выяснить остальные подробности у меня не хватило бы – тогда! – ни морального духу, ни короткого времени, ни детского понимания, – она на секунду остановилась, но, увидев вопросительный взгляд, немедля возобновилась: – Если ты не в курсе, в тот самый момент убивали моего родного отца, да и моя-то шестилетняя жизнь висела всего-навсего на маленькой, крохотной «липочке». Единственное, предприимчивый родитель успел мне поведать ровно три вещи: во-первых, он завладел секретной информацией у влиятельного, дьявольски жестокого, человека; во-вторых, разделил похищенный документ на равные части; в-третьих, одну оставил себе, а вторую передал моей беременной маме. Она, между прочим, как раз находилась в акушерском отделении и рожала там крошечного младенца. Несчастливая! В тот злополучный день, так же как горемычный отец, она скоропостижно скончалась; меня же отправили на постоянное воспитание в государственное детское учреждение.

– Это как раз таки и понятно, – промолвил зрелый мужчина, воспользовавшись временной грустной заминкой, пока возлюбленная девушка, ненадолго замолкнув, предавалась печальным воспоминаниям, – но, судя по нарисованному отрезку, ведущему через нынешнее селение Большое Борисово, в последующем он резко обрывается в непроходимом лесу, точнее, остаётся на втором бумажном обрывке. Потом нарисованная черта возобновляется снова, на нашем, на первом, и ведёт к конечному тайнику, скрывающему истинное месторасположение драгоценного клада. Я полагаю, имеющееся условие означает лишь пару моментов: первый – указатель правильных знаков находится на утраченной части; второй – он приводит чёткий ориентир, нисходящий из неизвестной, в настоящее время неведомой, точки. Мы исколесили всё ближайшее лесное пространство, но ничего похожего на древнерусское построение – что указано в окончании прочерченного маршрута – так и не обнаружили. О чём это говорит? На потерянной схеме проставлены правильные координаты, которые и следует выдерживать, чтобы попасть в отменно припрятанное хранилище.

– Я с тобой всецело согласна, – встрепенулась зеленоглазая девушка, молчавшая в задумчивом ожидании и спокойно слушавшая разгорячившегося поклонника, – но повторюсь: я осуществила несколько безуспешных попыток, чтобы найти утраченный след ребёнка, рожденного в то далёкое, нелегкое и смутное, время... Ты не подумай, – разъяснила она, заметив подозрительный взгляд, – в первую очередь я, конечно, хотела выяснить, что случилось с его печальной судьбой, а потом уж и дознаваться, где находится вторая часть начерченной карты. Как не печально, в начале «двухтысячных» в родильном отделении произошёл непоправимый,

страшный пожар, и все архивные документы, соответственно, уничтожились. Я даже не представляю, – белокурая красавица ненавязчиво всхлипнула, – братик у меня тогда родился либо сестрёнка, – а более грустно, – и теперь, наверное, никогда уже не узнаю.

Отдавая дань памяти покойным родителям и сгинувшему в российской бюрократии новорожденному ребёнку, и молодой американец, и неотразимая россиянка на несколько минут замолчали и посветились завладевшим ими горестным мыслям. Наташа, как и предусмотрительный собеседник, слезла с мотоциклетной техники и заходила туда-сюда-обратно, вперёд и назад, разминая затёкшие ноги. Прodelав с полсотни тренировочных упражнений, она остановилась, вернулась назад и устремила понурый взгляд на самодельную схему.

– Странное дело, – заметила озадаченная блондинка, проводя нежным пальчиком по остаточной карте, – вроде делаем правильно: по прямому направлению следуем от Большого Борисова и вплоть до мнимого участка, где – если верить проложенному маршруту? – должен находиться ответвляющийся разворот, ведущий напрямую к спрятанному сокровищу. Но?! Ничего похожего на древнерусский тайник, способный скрывать баснословный, немислимый клад, нам так и не подвернулось.

– Это потому, – промолвил более рассудительный представитель сильного пола, – что на утраченной карте, очевидно, указывается некое условие, помеченное уточнённой длиной, выраженной в строго определённых измерительных величинах. Получается, мы, Наташа, действуем наугад, а значит, обречены на постоянные неудачи. Думаешь, ваши русские предки настолько глупы, что спрятали бесчисленные сокровища, чтобы их было нетрудно найти? Лично я считаю наоборот, иначе бы их давным-давно отыскали. Если принять во внимание наши бесцельные поиски, достать их, из надёжного тайника, так никому и не посчастливилось. Кстати, дорогая Наташа, я хотел бы прояснить один немаловажный вопрос?

– Задавай? – вскинула Елисеева изящные брови, выражая поддельное удивление.

– Давно хотелось спросить, – без обиняков допытывался молодой кавалер, подходя к желанной девушке ближе и оказываясь в непосредственной, волнующей близости, – а ты точно уверена, что на современном листе бумаги, изготовленном на промышленном производстве, достоверно указывается древнерусское захоронение, спрятанного в настолько далёкие времена, когда и бумагу-то, нормальную, вовсе не делали?

– Ну, на столь несложный вопрос я отвечу и просто, и беспристрастно, и совсем незатейливо, – повеселев, многозначительно проговорила предупредительная блондинка (неожиданно она осознала, что её кавалер не посвящён в некоторые обыденные подробности, без которых вникать в бывалошнюю историю очень и очень трудно); она решила раскрыть ему неведомые, но значимые детали: – Мой покойный отец – царство ему небесное! – слыл и отчаянным, и неглупым мужчиной. Что это, в сущности, значит? Как он перед смертью успел объяснить, истинный оригинал, составленный древними русичами, по странному стечению обстоятельств полностью уничтожился. Но! Бойкому папе – одному ему ведомым способом? – удалось срисовать с неё идеальную копию, которую он благополучно разделил на равные половинки: одна находится у нас; другая пропала неизвестно куда, сгинула вместе с моим родившимся братиком или... быть может, меньшенькой милой сестрёнкой.

– Факт, конечно, печальный, – видя, как она снова погружается в неловкое печальное забытье, О’Доннелл попытался горемычную девушку хоть как-нибудь поддержать, – но такова суровая Божья воля, и, не исключается – ОН! – в одно прекрасное время смиростивится – позволит вам и свидеться, и воссоединиться, и сделаться единой семьёй. Касаясь меня, я буду всегда тебе помогать – как в поисках пропавшего близкого, так и в розыске спрятанного богатства.

Засим совещательную часть решили закончить и, развернув «квадроцикл» в обратную сторону, задали ему противоположное направление, намереваясь поискать удобные объездные пути. Не стоит говорить, что прогулочные процессы в тот неудачливый день затянулись до самого позднего вечера (суздальские болота славятся протяженной бескрайностью; стояла как

раз весна, когда они изобилуют насыщенной влагой). Всю остальную часть пополудни (как и первую половину) заядлые путешественники промотались впустую, а когда порядком стемнело, «несолоно хлебавши» выехали с промозглого леса и, уставшие, решили-таки вернуться в Иваново.

Глава III. Жуткое зрелище

Направляясь к участку автомобильной дороги, где расстался с начальником поселкового отделения, Градов уверенной походкой возвращался назад. Он подошёл одновременно с оперативной группой, направленной из районного центра. Сосредоточившись на прибывших сотрудниках, Карелин совсем упустил из виду, как подчинённый оперативник молчком увязался за общей процессией, следовавшей на осмотр ужасного происшествия. В обычных условиях спесивый руководитель нашёл бы тому занятие, более, что ли, ответственное, скажем, направил бы опрашивать местных жителей или искать возможных свидетелей; но сейчас, поглощённый детальным изложением значимой информации, он не стал молодому сотруднику никак воспрепятствовать (неумышленно позволил лично удостовериться, что же явилось натуральной причиной нешуточного переполоха, в результате которого даже грозный, высокомерный начальник разом превратился в неуверенного человека, заискивавшего перед приезжими полицейскими, находившимися в чине гораздо меньшим, чем был у него).

Объятый общим тревожным чувством, Денис передвигался чуть позади и держался от основного шествия немного поодаль, дабы привлечь к себе, сотруднику, не заслужившему сыскного веса, поменьше внимания и дабы (не приведи Господь!) его не оговорили, не отправили куда-нибудь восвояси. Как и все неопытные сотрудники, он почему-то предполагал, будто приехавшие представители: следователь по особо важным делам, умудрённый эксперт, начальник уголовного розыска – да и самолично Герман Петрович, придут от сложной загадки в немалое замешательство. Ему казалось, что только он один, обладающий исключительным природным талантом и непревзойденным умением выстраивать логические цепочки, сумеет обнаружить те незначительные улики, какие помогут изобличить отъявленного убийцу. Уверенный в собственном превосходстве и увлекаемый в глубь бескрайнего поля, оперуполномоченный поймался на назойливой мысли, что пешая прогулка затягивается дольше предполагаемого. Они отошли уже метров на триста, и у любого нормального человека давно бы возник закономерный вопрос: «Как, черт возьми, смогли обнаружить убитого покойника на значительном удалении – да притом непроглядной ночью! – и от автомобильной дороги, и от ближайшего населённого пункта?» Поэтому у Градова, не являвшегося заурядной личностью, наравне с остальными участниками процессии (по поводу значительной отдалённости) начинали возникать не очень хорошие подозрения. Разрешить их мог лишь спесивый начальник, единолично знающий, где остаётся то мёртвое тело; он как раз рассуждал на основную тему со специальным следователем – молодой, красивой девушкой, отличавшейся высоким ростом, стройным телосложением, приятным лицом и одетой в форменное обмундирование капитана юстиции. Ей-то, кстати, и пришла неглупая мысль, позволившая озвучить вполне обоснованные сомнения, в чём-то смутные, а где-то и явные:

– Интересно, но мы прошли уже добрых полкилометра, – она умышленно превысила общее расстояние, – а ничего покуда не обнаружили. У меня напрашивается нормальный вопрос: как при возникших условиях вообще сумели хоть что-то найти?

– Всё очень просто, – стал разъяснять Карелин, против обыкновения продолжавший оставаться немного смущённым, – двое охотников-браконьеров, блуждавших по лесной окраине в поисках лёгкой добычи, наткнулись на него мимоходом, случайно, спонтанно. Поскольку у каждого местного жителя имеется мой сотовый номер, они тот час же и позвонили, и передали о неприятной находке, отчасти жуткой, а частью зловещей, – сказал и, словно оправдываясь, зачем-то добавил: – Это собака их... ну, тело убитое обнаружила – сами бы они ни за что не нашли!

Пришла очередь вмешиваться квалифицированному эксперту, точно так же увлекающемуся русской охотой, но, в отличие от приведённого случая, всесторонне законопослуш-

ного. Молодой, тридцатипятилетний мужчина, одетый в форму майора полиции, он отличался подтянутым, склáдным телосложением, уверенным, но и приятным лицом, украшенным аккуратно подстриженными усами. Именно он-то и обозначил интриговавшие отправные моменты:

– Вот Вы, товарищ подполковник, сказали, мол, браконьеры-охотники; но почему Вы говорите о них спокойно, словно незаконная охота не является наказуемым преступлением?

– Ты, Андрей, конечно же, прав, – панибратски обратился полицейский подполковник к более младшему офицеру, прибывшему для проведения первоначальных исследований, – но что я могу поделать? Охотничьи ружья они успешно попрятали, сейчас же находятся налегке – без подбитой добычи и предательской амуниции. Как ты, наверное, и сам отчётливо понимаешь – доказать им хоть что-то обратное становится практически невозможно.

Карелин озвучил, по его разумению, правдоподобную версию, упустив из внимания тот (вроде бы?) несущественный факт, что один из незаконных охотников является ему двоюродным братом и что он сам посоветовал ему избавиться от лишних предметов, способных указать, чем же они в реальности занимались. Обстоятельство показалось неестественным не только одному эксперту-специалисту, неплохо осведомлённому о позорном факте изобличительного родства, но и его очаровательной спутнице тоже. Презрительно ухмыльнувшись, она язвительно выдала:

– Хорошо, пусть будет так. Внимание, вопрос: а, как они объяснили ночное присутствие в лесном массиве, удалённом от населенного пункта и расположенном вдали от проезжей части? Выходит, их с чистой совестью можно начинать подозревать как основные лица, причастные к совершению особо тяжкого преступления?

– Всё вроде правильно... – нехотя согласился руководитель местного отделения, выдавая и шкурный, и существенный интерес, – но ребята, нерадивые, утверждают, дескать, отправились в лес с отдохновённой ночёвкой, дабы насладиться апрельской природой, а заодно и отдалиться от мирской суеты и насущных житейских сложностей.

– Вот оно, простое и логичное объяснение, – от души рассмеялся компетентный эксперт, отчётливо понимавший, что сведущему человеку (вот так просто!) получится уйти от любой, и даже вполне очевидной, ответственности.

Больше сказать никто ничего не успел: участникам полицейской процессии вынужденно пришлось замолчать, потому что они приблизились к лесной окраине, где их терпеливо поджидали два человека, мирно сидевшие на ими же сваленном древесном стволе. Касаясь их одинаковой внешности, следует указать, что оба оделись в пятнистую военную форму, что и тот и другой имели тучную, непривлекательную комплекцию и что выглядели они схожими по сорокатрёхлетнему возрастному пределу. Различались они мясистыми лицами: первое казалось потолще и понаглее; второе – поуже и попугливее. Завидев приближавшихся полицейских, они почтительно приподнялись, для вида хорошенечко отряхнулись и выдвинулись навстречу.

– Показывайте, где находится убитое тело, – не скрывая негативного отношения, холодно распорядилась влиятельная сотрудница, – я, Гришечка Олеся Сергеевна, являюсь старшей оперативно-следственной группы. Касательно вас? Вначале Вы укажете, где располагается место ужасного происшествия, поучаствуете в подробном осмотре, а потом проедете в районный отдел, где дадите правдивые показания – это понятно?

Последний вопрос настырная девушка задавала, чтобы присутствовавшие люди сразу же уяснили, кто именно здесь является главным. Увидев молчаливое, тупое согласие, она махнула правой рукой, изображая известный жест, не требующий дополнительных объяснений и предлагающий, чтобы провожатые сопроводили всех к жуткому трупу.

С почтительной готовностью (всё же изрядно наигранной), сельские жители изобразили законопослушных граждан, и, не пускаясь в пустую полёмику, послушно развернулись в лесистую сторону; они последовательно углубились в непроглядную, страшную чащу. Общей про-

цессии пришлось отдалиться на добрую сотню метров, пока угодливые селяне не застыли как вкопанные, словно бы находясь в глубоких раздумьях, а следует ли им двигаться дальше?

– Чего «заморозились»? – осознав, что возражений ей, убедительных, не последует, грубо промолвила едкая следователь.

– Вон она лежит, – проговорил первый, лицо которого казалось круглее, – вы нас извините, но повторно разглядывать отвратные мерзости, брр! лично нам бы не захотелось – не существует обострённого интереса. Вы тут осматривайте, как вам, походу, надо; мы же подождем вас на небольшом отдалении. Понадобимся? Вы всегда нас сможете скорёхонько отыскать.

– Хорошо, – согласилась белокурая девушка, выражая барскую милость (она прекрасно осознавала, что от их неперменного присутствия либо временного отсутствия ничего уже не изменится), – только, смотрите, сидите на месте, чтобы мне ещё и вас впоследствии не искать.

Второй раз предлагать никому не потребовалось, и оба чудных охотника торопливым шагом засемили обратно, к облюбованному ими древесному возвышению. Оперативная группа, ведомая и Гришевич, и неотступным Карелиным, двинулась дальше – осматривать, что же в нынешнее утро взбудоражило весь местный полицейский личный состав. Им пришлось пройти ещё не меньше пятнадцати метров, прежде чем сотрудники оперативной группы все разом не замерли – они наткнулись на нечто невообразимое, не подлежащее никакому словесному описанию. Участники выездной бригады, впадая в кратковременный ступор, наполнились и бессильным негодованием, и нескрываемым отвращением, и непритворным испугом (никто из нормальных людей никогда бы не свыкся с чем-то подобным).

Что же так озадачило опытных, служивых людей? На первый взгляд, казалось бы, им представился обыкновенный человеческий труп, принадлежавший молодой пышногрудой девушке, одетой в модную, но и дешёвую одежку (она подражала прославленным заграничным брендам), где особенно выделялись яркая красная куртка, излишне короткая юбка и сетчатые колготки (обуви не было). Некогда красивое одеяние мало того что виделось полностью окровавленным, так оно ещё и находилось в изрядно потрёпанном состоянии, как будто убитая мученица подверглась остервенелому нападению бешенных псов, нещадно рвавших предметы нескромного одеяния, да и нежную телесную кожу тоже; на руках, на ногах, да и на всём, когда-то привлекательном, туловище, присутствовали следы ужасных укусов, оставленных человеческими зубами, ярко выраженными и поглубже входившими внутрь; некоторыми местами, далеко не единственными, наблюдались изрядные нарушения подкожной мышечной массы. Становилось очевидно, прежде чем умереть, измученная жертва терпела долговременные страдания; окончательно жестокие пытки закончились (не исключается, насильственным половым сношением), лишь когда она впадала в бесчувственное изнеможение. Но и это было ещё не всё! Вдоволь «наизмывавшись» и закончив глумиться, маниакальный преступник вырезал тёплое девичье сердце и отделил от окровавленного туловища беспечную юную голову. Ничего из перечисленных останков не виделось ни рядом, ни где-то поблизости, что давало весомое основание полагать, что бесчеловечный злоумышленник унёс их с собой.

Только сейчас, основываясь на трепетной дрожи, неприятной и неестественной, ранее незнакомой, Градов воочию убедился, что же так сильно встревожило многоопытного руководителя, и тёртого, и бывалого. Изувеченный труп был изгрызен настолько, насколько на нём не оставалось ни одного здорового места. Как уже упоминалось, следы зубов, что в огромном количестве виднелись на всём истерзанном туловище, не принадлежали никакому известному представителю животного мира – они являлись исключительно человеческими. От лицемерия жуткого, ужасного зрелища на душе у любого, кто воочию видел изъеденный стан, возникало горестное смятение, больше напоминавшее суеверный, сверхъестественный страх.

– Кто, спрашивается – такое! – способен сделать? – раздышавшись от резкого спазма, промямлила представительница прекрасного пола, старшая опергруппы. – Это не поддается никакому нормальному восприятию!..

Денис тоже сумел подавить тот неопиcуемый, если и не панический ужас, что инстинктивно будоражил взволнованный разум, и принялся внимательно разглядывать ближайшую местность. От непонятного ощущения немного кружилась смятенная голова; но всё же он нашёл в себе силы собраться и, напрягая затуманенный взгляд, скрупулёзно изучал прилегающую вплотную подзольную почву. Обладая сметливым умом и юношеским вниманием, молодой человек разглядел отчётливый обувной отпечаток, равнявшийся сорок второму мужскому размеру; его оставил некий грубый, похоже солдатский, ботинок, на удивление ровный и совершенно не имевший рифлёной подошвы. Что странно? Совсем не виделось ни свежей, ни высохшей крови.

– Не понимаю?.. – пробормотал он вслух сумбурные размышления. – Видимо, её убивали не здесь, а где-то поодаль; сюда же принесли лишь изуродованные останки.

– Действительно, – поднаторелый эксперт, немного справившийся с первоначальным волнением, приступил к прямым должностным обязанностям и пустился в подробные изучения, – определённо, девушку пытали и умерщвляли где угодно, но только не где-то поблизости.

– Вероятно?.. – озадаченно промолвила девушка-капитан, непреднамеренно излучая дрожание нотки. – Однако непонятно, зачем он проделывал продолжительный, трудный путь и перенёс умерщвлённое тело в несообразную даль? Гораздо удобнее выбросить изувеченный труп в боковую обочину, напрямик у безлюдной дороги.

– Удобнее избавиться – проще найти, – вставил начальник местного отделения [в любой ситуации он пытался показывать личную значимость, (что не всегда у него получалось)], – нажрался кровожадный «упырь» наркоты, поганой и мерзкой, либо винища, дешевого и креплённого, гормоны рьяные заиграли – вот он и пустился в ни с чем не сравнимое буйство. Потом убогий выродок протрезвел – глядь?! – наделал страшных «делов», и сразу же решил преступные следы получше запрятать. А где их лучше всего сокрыть? Конечно, в отдалённом лесу, где его дикое зверье мал-помалу сожрёт, а растерзанные останки постепенно повсюду растащит.

Мысль являлась абсурдной, да и попросту глупой, но, отлично зная взрывной характер неумного человека, указать ему на объективную несостоятельность приведённого рассуждения никто не отважился; впрочем, отворачиваясь по разные стороны, районные сотрудники не преминули презрительно ухмыльнуться. И лишь, единственно, Градов, набравшийся нужного опыта и считавший руководителя бывалым, и даже авторитетным, пустился обсуждать заведомо несостоятельную теорию:

– Странно, но до какой же степени надо напиться, чтобы полностью потерять человеческий облик, и уподобиться хищному зверю, и разрывать на мелкие части совсем ещё юное тело? И куда, интересно, делись выдрванное сердце и отделённая голова? Как-то не вяжется с временным одурманиванием людского рассудка: здесь явно орудовал чокнутый человек, хотя и психически ненормальный, но отчетливо представлявший, что он конкретно делает.

Карелину, которому всегда являлось опричь души, когда кто-то оспаривал прочно устоявшееся личное мнение, потребовались лишь доли секунды, чтобы окончательно потерять душевное равновесие. Разразившись отборнейшей матерщиной и заверещав, словно резанный поросенок, он поставил молодого сотрудника на положенное заурядное место:

– Ты откуда здесь взялся?! Слишком умный?! Я что тебе велел делать?! Проводить поквартирный, подворный обход! Ты же чем занимаешься?! Нарушаешь однозначный приказ непосредственного, прямого начальника?! Или ты, «молочный щенок», хочешь мне сейчас рассказать, что обошёл уже каждый дом и квартиру – доподлинно установил всех случайных, «живых» очевидцев?! Конечно же, нет! В общем, нерадивые работники и вовсе мне не нужны,

а завтра я напишу разъяснительный рапорт, чтобы тебя скорее уволили! Сейчас же – раз уж припёрся – марш искать понятых! И чтобы через полчаса они были на месте!

Не первый раз сталкиваясь с проявлением неординарного буйства, присутствующим у самодура-руководителя, но так и не умея с ними нормально мириться, Градов впал в некий шоковый ступор; можно сказать, он ни сном ни духом не понимал, чем же вызвал негативное, едва ли не злобное отношение (ведь ежели он чего-то и сделал, то всецело справедливое наблюдение). Опытные сотрудники, прекрасно осведомленные о заносчивой, высокомерной натуре, существовавшей у деспотичного подполковника, сочувственно поглядели на неопёрившегося юнца, но, опять же, многозначительно промолчали, никак не выдавая устойчивой антипатии, возникшей к несправедливой, поистине предвзятой, враждебности. Понуро опустив повинную голову, Денис неспешно пошёл обратно, на ближнюю проезжую трассу.

– Чего плетёшься, словно в штаны «наложил»? – вдогонку прикрикнул кичливый руководитель, продолжая показывать непревзойденное самодурство. – Шевели худыми «батонами»! Не на прогулку отправился – тебя почтенные люди ждут!

В действительности, в случаях значительной удаленности, можно осматривать места происшествий и без присутствия понятых, а, например, лишь с грамотным применением видеофотосъемки; но остальные члены оперативной группы хорошо себе понимали, что, удаляя, Карелин желает показать подчиненному оперативнику лишь личное немалое превосходство. Пока он шёл, в Градове боролись две разные сущности: с одной стороны, ему хотелось своему нравному мерзавцу чего-нибудь нагнубить; с другой, он отчетливо понимал, что именно от напыщенного руководителя и зависит впоследствии, сможет ли он дальше служить или же нет. Ему очень нравилась сыскная работа и совсем не хотелось расставаться с бескрайне полюбившимся делом. Ничего не отвечая, раздосадованный парень засунул мужскую гордость «куда подальше» и поплёлся, унылый, исполнять негеройское, да и совсем ненужное, дело.

От тревожных размышлений он сумел оторваться, когда очутился на двухполосной проезжей части и когда потребовалось активно включаться в порученную работу (останавливать проезжающий транспорт). Как уже сказано, Градов оделся в «гражданскую форму» и ничем не выдавал уполномоченной принадлежности к сотруднику внутренних органов. Осуществив семь-восемь неудачных попыток, не остановивших ни одну из курсировавших машин, он охватился несвойственным гневом, сопряженным со стыдливими, конфузными ощущениями. Памятуя о злобной угрозе неременного увольнения, Денис уже ни о чём не думал и больше не осторожничал – он желал побыстрее выполнить бесцельное, но однозначное поручение. Итак, находясь в непривычном, излишне взволнованном, состоянии, обуреваемый парень вдруг выскочил на середину дороги, повернулся к мчавшейся легковой иномарке, широко расставил обе ноги, извлёк служебное удостоверение, выхватил табельный пистолет (из специальной кобуры, прикреплённой к поясному ремню) и, демонстрируя перечисленные предметы на вытянутых руках, отчаянно замер; он выдавал и беспредельную решимость, и непоколебимую душевную твёрдость.

По понятным причинам приближавшийся водитель воспринял благие намерения, по сути, неправильно – он резко затормозил и остановился, не доезжая до полицейского примерного расстояния, не превышавшего двадцати пяти метров. Не стоит удивляться, что ошалевший незнакомец непонимающе замер, что он наполнился мучительным страхом и что, по-видимому, ожидал наступления наиболее ужасных последствий. Каким же случилось его дикое удивление, когда молодой человек, убирая воронёное оружие и раскрывая «красные корочки», неторопливо приблизился и сосредоточенно объявил, что всего-навсего воспользовался приоритетным законным правом, предоставляемым полицейским, дабы задействовать любого гражданина в качестве беспристрастного понятого. Стараясь казаться вежливым, взволнованный оперативник говорил почтительно, но и немножечко грубовато:

– Уважаемый участник дорожного движения, выйдите, пожалуйста, из машины и проследуйте поучаствовать в недолгом следственном действии.

Сорокалетний мужчина, представлявшийся невысоким и умеренно тучным, облегченно вздохнул: ему-то напросился вполне естественный довод, что нетипичное явление станет последним, какое доведётся видеть перед скорой и неминуемой гибелью (он даже мысленно попрощался с жизнью, совсем не ожидая благоприятного окончания). На удачу, он оказался не одинок – с ним ехала молодая, красивая девушка, выделявшаяся изумительно сложённой фигурой, подчёркнутой плотно облегающим красивым нарядом (как впоследствии выяснилось, она приходилась невезучему водителю родненькой дочкой). Ей точно так же не оставалось иного выбора, как согласится проследовать в лесистую местность – напрямую к страшному происшествию. В отличие от зрелого родственника, обутого в удобные плоские туфли, идти у недовольной красавицы получалось с немалым трудом: высокие каблуки то утопали в рыхлой земле, то зацеплялись за различные кочки и камни (что сильно замедляло их общее продвижение). Денис, отошедший от недавних переживаний, чувствовал себя несколько неуютно и начинал испытывать нормальные угрызения; однако, делать нечего, незавидное служебное поручение необходимо всё-таки исполнять.

К месту следственного мероприятия, проводимого другими участниками следственной группы, они приближались уже не одни – их догнали двое представителей областной кинологической службы, прибывшие с оперативно-служебной собакой. Они моментально приступили к привычным мероприятиям: во-первых, позволили животному получше обнюхать (уже) оголённый девичий труп; во-вторых, побежали лёгкой трусцой, следуя по эффективно взятому следу. Что касается понятых, приглашенных не очень естественным способом, никто из них не роптал, прекрасно осознавая, что стали простыми заложниками непредвиденной, безвыходной ситуации; впрочем, непривычные, они всё-таки попросили, чтобы им позволили хоть чуточку отдалиться. Получив необходимое разрешение, и тот и другая отошли к известному брёвнышку, где в то же самое время находились и двое горе-охотников. Карелин взвалил на себя активное, излишне пристрастное, руководство, следил за всеми осуществляемыми процессами и раздавал ненужные, едва ли не тупые увещевания (суть его действенной природы была такова, что он считал себя человеком опытным, наполненным разносторонними знаниями, приобретёнными за долгие годы службы, а значит, непременно должен был указывать, как правильно фиксировать добытые доказательства). Полицейские сотрудники, присланные в профессиональную помощь (надо отдать им должное), прекрасно зная о неприятной особенности, не уделяли своенравной натуре (необузданным проявлениям) соответственного внимания, а спокойно занимаясь собственными прямыми обязанностями. Градову великодушно «разрешили» остаться, но предусмотрительно «дали» короткое наставление: «Под ногами не путайся, побольше наблюдай, поменьше умничай, а главное, не суй свой длинный нос туда, "куда Макар телят не гонял"».

В ходе последовательной процедуры изуродованное тело неоднократно переворачивалось и основательно изучалось. Как подведённый итог, эксперт Андрей (фамилия которого, как оказалось, имеет татарские корни и звучит немножечко странновато – Кубаев) изрёк лаконичную фразу, повергшую остальных в ещё большее негодование и крайнее возмущение:

– В заднепроходном отверстии имеется какой-то инородный предмет...

– Что?! – удивлённо воскликнула поражённая следователь, составлявшая ответственный протокол и заносившая в него любые доскональные тонкости. – Что ты сейчас сказал?

– Что во время садистских издевательств, – ответил опытный криминальный исследователь, не скрывая к преступному извергу предельного отвращения, – мучивший истязатель что-то засунул внутрь ещё живого туловища, а следом там же и обломил.

– Неужели похожее зверство возможно?! – воскликнул молодой оперативный сотрудник, впечатленный проявившимся обстоятельством (он впервые столкнулся с бесчеловечными пытками).

– Опять суёшься?! – оборвал его грубый руководитель. – Тебе-то какое дело? Иди-ка лучше обследуй лесную округу, осмотри всё – внимательно! – и поищи-ка отделённые голову с сердцем. Авось «ублюдочный» выродок случайно их где-нибудь обронил? – распорядился, но, видимо осознав, что сморозил абсолютную ересь, моментально поправился: – Или специально запрятал, а возможно, и попросту выбросил.

Дениса прямо подмывало вытянуться по струнке, отдать солдатскую честь и язвительно выкрикнуть: «Есть!» – выказывая негативное отношение к тупому начальнику (в полиции так делать непринято); но он в очередной раз умело сдержался, подавил нараставший гнев и пошёл выполнять несложное поручение, хотя и сформулированное в необычной манере, но целиком и полностью справедливое. Не успел он отойти на какой-то десяток метров, дотошно присматриваясь к лесному весеннему благоденствию, как услышал громкий окрик руководителя, призывавшего немедленно возвращаться обратно:

– Эй, сержант, – за младшим оперуполномоченным сохранялось армейское звание, – хватит впустую «копытами ленивыми» мять! Иди сюда: надо отправляться на более важное дело!

«Ну, – Денис не удержался от крепкого слова, отображавшего поистине негативные пожелания, – опять, очевидно, главного грамотея посетила несусветная, глупая блажь? Наверное, снова заставит заниматься несвойственными, тупыми обязанностями? Однако! С начальником разве поспоришь? Тем более что – как принято говорить – если кому-то что-то не нравится, то никто и никого нигде не задерживает. Можно, конечно, уйти «на гражданку»; но... чего я, собственно, там собой представляю? Да ничего по ровному счёту конкретного, более-менее стоящего. Поэтому надо чётко исполнять должностные инструкции, а на бестолковых самодуров поменьше обращать преувеличенного внимания». С невеселыми, если не удручёнными размышлениями молодой оперативник последовал на настойчивый призыв, последовавший от непосредственного начальника. Не успел он приблизиться, как тот заторопил его в обычной, циничной манере:

– Давай пошевеливай уже худыми «батонами»! Нам позвонили ивановские кинологи и ответственно сообщили, что их тренированная собака привела к искомому дому разыскиваемого убийцы. В общем, они устроили неподготовленную засаду и с нетерпением ждут нас.

Не уточняя ту непреклонную убеждённость, что служебное животное привело конкретно к нужному адресу [а заодно и почему сопровождавшие сотрудники не организуют молниеносного задержания лично, а ожидают прибытия дополнительной помощи (по сути, они такие же представители внутренних органов и облечены необходимыми полномочиями)], Карелин моментально переключился на мобильное наставление участкового; он закончил его подворный обход и вызвал к общему сбору – на автомобильную трассу, где оставался служебный транспорт. Стоит отметить, не только к одному молодому оперативнику Герман Петрович относился с чванливой пренебрежительностью; к остальным подчинённым сотрудникам он также проявлял недопустимые вольности и неприемлемую предвзятость [как будто считал себя непререкаемым лидером, авторитетным и безусловным, едва ли не монархическим (по его мнению, подвластные полицейские придавались ему лишь только за тем, чтобы вершить в поселковом образовании абсолютную, сугубо личную, волю)]. Ввиду перечисленных качеств, телефонный разговор, проводимый со старослужащим офицером, выглядел отнюдь не корректным.

– Шаронов! – грубым говором буркнул непристойный руководитель. – Бросай любые дела и по-быстрому «лети» на подмогу, – он почему-то решил, что значимой информации

довел не слишком достаточно и уточнил дополнительно: – Ну, это туда, где остались прибывшие машины... там, на «предпоселкой» дороге, откуда мы отправились к трупу. В общем, ты понял, а ежели нет, то я тебе устрою – ужо! – Чего означало это «ужо!», Карелин не разъяснил, справедливо предполагая, что грозного тона, каким он напутствовал, окажется более чем достаточно (чтобы явственно себе уяснить, что в смысле сказанного слова не кроется ничего особо хорошего).

Едва он договорил, в обратный путь поспешили сразу три человека: руководитель местного отделения, считавшийся мелким царьком, подчинённый ему оперативный сотрудник и начальник уголовного розыска, направленный напрямую с районного центра. На последнем человеке следует остановиться особо...

Бесстрашный Алексей Николаевич, он целиком оправдывал доставшуюся родовую фамилию. Достигнув сорокасемилетнего возрастного отрезка и дослужившись до майорского чина, вот уже на протяжении последних десятка лет опытный сыщик руководил оперативным составом всего местного уголовного розыска. Сотрудником он считался внешне довольно грубым – передавал и напускную жёсткость, и показную безжалостность; на самом же деле уважаемый офицер оставался доброжелательным, мягким, умело скрывавшим настоящие качества, непригодные в опасной работе (он прятал их под видимой личиной наистрожайшей серьёзности). Повествуя о внешнем виде, следует отметить коренастое телосложение, хотя и начинающее легонько полнеть, но продолжающее отличаться немаленькой силой; обратить внимание на смуглое лицо, скуластое и продолговатое, украшенное седеющими густыми усами; не забыть про серо-голубые глаза, не выражающие эмоций и остающиеся непроницаемыми для любого непосвящённого собеседника; выделить орлиный нос, выдающий неиссякаемую уверенность в собственных силах, рыжеватые волосы, всегда стриженные короткой «площадкой», а заодно и ровные уши, плотно прижатые к округлому черепу. Неудивительно, что именно ответственный сотрудник, обладавший открытым сердцем, чистой душой, аналитическим умом и немереным опытом, организовывал раскрытие всех тяжких и запутанных преступлений, случившихся в пределах вверенного района.

Возвращаясь немного назад, в то время как остальные участники занимались детальным осмотром жуткого трупа, он, бегло оценив привычную ситуацию, приступил к подробному расспросу горемычных охотников, нашедших то мёртвое тело. Ничего нового, более существенного, чем они сообщили первоначально, выведать так и не получилось. Никчёмный допрос нескромно затягивался. Поэтому Алексей Николаевич оказался нескончаемо рад, когда «отзвонившиеся» кинологи «торжественно» объявили, что вышли на основного преступника, и с воодушевлением ухватился за поступившую вводную. Конечно, с привычным делом, предполагавшим задержать единственного маньяка-убийцу, он справился бы единолично; но заведённая инструкция, определявшая «...действовать в любых ситуациях в подготовленной группе», требовала неукоснительного соблюдения прописанных правил – заставляла воспользоваться действительной помощью обученных полицейских. Не воспринимая специалистов кинологической службы как качественную подмогу, Бесстрашный позвал с собою неумного начальника местного отделения. Едва лишь Карелин прознал, чем именно придётся заняться, он активно включился в основное мероприятие и призвал к сенсационному задержанию весь подчинявшийся ему личный состав. Через пятнадцать минут к искомому дому, где с немалой долей вероятности находился жестокий выродок, выдвигалось четверо полицейских сотрудников.

Точное местоположение знал один начальник УГРО; он сразу же взялся за рулевое управление оперативным «уазиком» и погнал его по нужному адресу. Посёлок был небольшой, и добираться пришлось недолго. Однако, чем ближе приближались к вероятному месторасположению (остальным неизвестному), предположительно скрывавшему кровожадного выродка, в молодом оперативнике поселялось росшее непонимание и внутреннее смятение. Встревожен-

ному юноше вдруг показалось, что они на полных парах продвигаются к съёмному домику, выделенному ему во временное жильё благодушной администрацией. Необъяснимое предположение стало более чем очевидно, когда пришлось свернуть на узкую улочку, носившую революционное имя Орджоникидзе. Она состояла из тридцати одноэтажных, разнотипных строений, установленных единым порядком. И именно на ней! В крайней, начальной избе уютился с недавнего времени младший оперуполномоченный Градов.

Едва успев осознать, куда они двигаются, Карелин вытаращил многозначительные глаза и строго поглядывал на помрачневшего, разом поникшего, подчинённого. В голове молодого сыщика в тот злополучный момент роились нисколько не веселые мысли (почему-то вдруг вспомнилась недавняя беседа со странной старухой, самозабвенно твердившей, что настоящим преступником является именно он); в один миг им завладело некое интуитивное чувство, говорившее о приближавшейся неприятности, словно чёрные тучи накрывавшей неведомой, страшной силой (схожее ощущение иногда возникает, если готовиться случится что-то непредсказуемое, жуткое и ужасное).

С другой стороны, если местный руководитель и вконец перетрусивший молодой человек уже примерно догадывались, куда их Бесстрашный конкретно везёт; сам же он даже не предполагал, где в Нерше обосновался оперативник, находившейся и в его непосредственном ведении в том числе. Служил он давно и на подведомственной территории свободно находил любое злачное обиталище, но вот такую, казалось бы, незначительную деталь, как основное местожительство одного из подвластных оперативников, он почему-то совсем упустил из надлежащего виду. Впрочем, нерадивое поведение гипотетически объяснимо: ему стольким приходилось заведовать, что, отправив Градова в карелинское распоряжение, он той же секундой про него спокойненько позабыл – справедливо предположил, что тот теперь приписан к иному подразделению, хотя и являвшемуся общей структурной частью, но державшемуся несколько обособлено. Именно в силу слепого неведения, бесстрастный майор, получивший определённый ориентир, уверенно гнал служебный автомобиль и ни сном ни духом не полагал, как же он нескончаемо удивится, когда чуть позднее выяснит, кто же проживает в той маломерной избёнке, уединённой и неказистой. Итак, не обращая внимание на зрительную игру ближайших коллег, Алексей Николаевич уверенно правил выдавшим виды «уазиком» и направлял его к самому первому дому.

Наконец требуемая цель очутилась по левому борту, и служебная машина благополучно остановилась; она застыла на незначительном удалении, в пяти-шести метрах от обособленного строения, с виду вроде бы ветхого, на самом же деле сравнительно прочного. Круговое ограждение (может, когда-то и было?), сейчас оно наполовину отсутствовало, предоставляя ничем не ограниченный доступ. Сама невзрачная постройка представлялась одноэтажной, бревенчатой, не выделявшейся большими размерами; внутри имелись единственная комната и просторная кухонька; уличный вход осуществлялся с открытого навеса-крыльца (он закрывался дубовой дверью и соответственным, амбарным замком).

Двое кинологов спокойно ожидали неподалёку, как и полагается, расположившись, чтобы зрительно охватывать всё прилегающее пространство; их поведение выглядело всецело логичным. Почему? Задняя часть приусадебной территории граничила с точно таким же покосившимся домиком, и появившись у матёрого преступника устойчивое желание – он с лёгкостью вышел бы в заднюю дверь, запертую (кстати сказать!) изнутри, и преспокойненько бы скрылся, и лихо пустился в бега.

– Так, значит, – поддаваясь сыскной лихорадке, повелевал начальник районного уголовного розыска, – судя по навешенному запору, дома мы никого, скорее всего, не застанем. Хотя может быть совсем по-иному: сам он засел внутри, а на всеобщее обозрение выставил лишь видимое прикрытие, мол, жилище-то условно пустое. Почему я предполагаю? В здешних местах чересчур продуманные мерзавцы поступают как раз по соответствующей методике:

спрячутся в потаённую «норку», потихоньку хоронятся, злорадно посмеиваются и считают нас полными идиотами. В общем, делаем так... – обернулся к Денису, – молодой, сходи-ка в «уазик» и принеси мне железную монтировку. Зачем? Снимем дверной замок и проверим, где же поганый «ублюдок» в реале находится.

– Не надо никакой монтировки, – скрежещущим голосом прорычал подполковник Карелин, грубо хватая оробевшего подчинённого, словно бы опасаясь, что тот вдруг припустится быстро бежать, – у нас основные ключи имеются – ведь правильно Градов? Ты же нам сам откроешь?

– Постойте!.. – проговорил Алексей Николаевич, ничего пока ещё не понявший, – объясните: что у вас происходит? Чего-то я в ваших деревенских инсинуациях совсем «потерялся».

Градов слыл человеком выдержанным и умело справлялся с любыми эмоциями – это обыкновенно; сейчас же, принимая во внимание нешуточную опасность, неожиданно-негаданно нависшую над молодой головой, он не сумел подавить мучительного волнения и проявился нервной, панической дрожью. Трясшимися руками он достал увесистую связку ключей, где один отмечался излишне большим. Осуществив десяток безрезультатных попыток, Денис отчётливо уяснил, что открыть запорное устройство у него, похоже, что не получится.

Бесстрашный, молча наблюдавший за неестественным поведением, в конечном итоге не выдержал, отобрал дверные ключи и самолично отпер массивный висячий замок. Карелин, несколько не сомневавшийся, что юный оперативник и является тем омерзительным извергом, совершившим безжалостное убийство, цепко удерживал его за верхнее одеяние, не отпуская ни на единственную секунду.

– Никто не заходит! – резко воскликнул начальник УГРО [он намеренно оборвал общее желание оказаться внутри и воочию убедиться, как же ведет себя в бытовых условиях бездушный маниакальный убийца (возможно, он надеялся отыскать пропавшие сердце и голову, а может, действовал и с какими-нибудь другими соображениями?)]. – Я сам вначале всё осмотрю, а дальше дождёмся квалифицированного эксперта.

На беглый осмотр ушло не более трёх минут. Убедившись, что в ветхой избёнке нет ни свежей крови, ни отделённых останков, ни других следов и прочих предметов, способных указать на хозяйскую причастность к совершению беспрецедентного преступления, Алексей Николаевич вышел наружу.

– Так, – первым делом он обратился к обоим кинологам, отходя с ними в отдельную сторону и отдаляясь на приличное расстояние (чтобы их не расслышал Денис, продолжавший находиться в мёртвой хватке второго руководителя), – а теперь расскажите, любезные собаководы, как вы здесь очутились?

– Странный вопрос, товарищ майор, – сказал высокий сотрудник, казавшийся более старшим; он выглядел и увереннее, и гораздо внушительнее, – нас привела учёная псина.

– Это я понял, – пытливый офицер недобро нахмурился и заводил железными желваками, как бы предупреждая, что находится в состоянии крайнего возбуждения и вот-вот охватится неопикуемой яростью, – сейчас я имею в виду другое: а, не могла ли она, по случаю, ошибиться или удариться по неверному следу? Как, надеюсь, вы поняли, подопечная животины привела нас к жилому дому, снимаемому одним из наших оперативных сотрудников. Он – если вы помните? – имел честь, – он, конечно, сострил, – находиться у мёртвого тела. Вы поняли: к чему я веду? – на секунду он замолчал, а после утвердительного кивка снова возобновился: – Не случилось ли, предположим, что подуставшее животное, по ошибке, напало на утренний след и указало тем самым неверное направление? Как, полагаю, вы понимаете, ситуация непростая, то есть, прежде чем давать конкретизированный, строго определённый, ответ, вам следует основательно надо всем поразмыслить. Итак, повторяю: вы ручаетесь, что она пошла за настоящим преступником, а не за кем-нибудь посторонним, случайно оказавшимся от убитой девушки в шаговой близости?

– Последнее предположение исключается абсолютно, – ответил профессиональный кинолог, ничуть не поменявшийся в утвердительной мимике, – пёс у нас обученный, прошёл приличную подготовку, отлично освоил сыскные навыки, требуемые хорошей ищейке; словом, он ещё ни разу он не совершил досадной ошибки, отлично представляет порученную работу и отчётливо определяет любые людские отметины. Естественно, каждого, кто находился возле убитого трупа, он досконально обнюхал... И вот тут вы спросите: почему он сразу не показал предполагаемого убийцу? Что ж, на поставленный вопрос существует вполне логичное объяснение: ему отдавалась строгая команда «идти по следу», а не указывать искомую личность. Мне кажется, он с честью справился с поставленной текущей задачей. Судя по всему, нужный человек проделал сегодня лишь два основных пути: дошёл до настоящего дома, а затем вернулся обратно, в лесную чащобу. Полагаясь на приведённый довод, бездумное животное получило доходчивую команду и той же секундой, натасканное примерно на что-то похожее, бездумно бросилось её исполнять.

– Так я и думал, – сделал начальник уголовного розыска авторитетное заключение (он и сам прекрасно разбирался в собачьих повадках, неплохо представлял себе истинные причины, по которым они здесь все очутились, но, единственное, желал услышать красноречивое, весомое подтверждение), – тогда вы оставайтесь здесь, дожидайтесь следственно-оперативную группу – пусть эксперт, умудрённый, обследует ближайшую округу как можно внимательнее. Что касается нас? Мы отправимся в районный отдел, возьмём молодого человека с собой и обстоятельно с ним побеседуем. Что-то тёмное дельце не слишком мне нравятся, а внутренний голос почему-то подсказывает, что не так-то оно окажется просто...

Не уточняя, что ему увиделось сложным, он велел всем (кому требуется) загрузиться в служебный «уазик», намереваясь отправиться в распоряжение, наиболее удобное для душевных бесед и откровенных признаний. Карелин, ни единой секунды не сомневаясь, что поймал безжалостного маньяка-убийцу и что случилось самое жестокое преступление, не имевшее прежних аналогов, выразил неуёмную активность, сочетавшуюся с непреодолимым желанием отправиться тоже (он искренне полагал, что без его многолетнего опыта, а главное, действительной помощи ни у кого так и не получится вывести кровожадного преступника на чистую воду, истинно правдивые показания).

Глава IV. Ситуация вокруг сокровищ все более осложняется

Тем же днем, но ближе к вечеру, по специальному приспособлению, представленному двумя березовыми досками, Майкл загонял японский «квадроцикл» в небольшой автомобильный фургон, оставленный ими в селе Большое Борисово. С первой же попытки вездеходная техника успешно загрузилась – можно спокойно выдвигаться обратной дорогой. О’Доннелл уселся за рулевую баранку, Наташа расположилась с ним рядом, то есть удобно устроилась на мягком сидении, установленном в просторном салоне иностранного «фёрда». Оба кладоискателя невероятно устали. Положившись на многолетний водительский опыт, белокурая девушка предоставила благополучно довести их до дома любимому человеку.

В половине восьмого вечера они выехали на федеральную трассу М7, взяв прямое направление на город Иваново. Благодатную природу окутали сплошные, густые сумерки. Дорога не являлась слишком загруженной, и американский предприниматель, желая побыстрее попасть в уютные помещения, прибавил побольше газовой смеси и двигался в немного ускоренном темпе (на неоправданное поведение его вынудил Наташин угрюмый вид). Весь обратный путь, простиравшийся из лесного массива до суздальского села, Елисеева все больше молчала. Вот и сейчас, усевшись на пассажирское место, она взирала опечаленным взглядом в боковое окошко и не выказывала к учтивому кавалеру никакого взаимного интереса. Галантный мужчина хорошо понимал – отрешённое состояние вызвано глубокой досадой, возникшей от неудавшихся поисков; по его мнению, требовалось побыстрее увезти её от злосчастного места подальше, а сменив обстановку, вернуть возлюбленной девушке и бодрое и веселое расположение духа.

– Не переживай, – пытался он успокоить, искоса поглядывая на прекрасную, хотя и унылую леди (поправ обычную осторожность, он зачастую отвлекался от шоссеиной дороги, которая казалась пустынной и на которой встречный транспорт попадался лишь изредка), – мы что-нибудь непременно придумаем. У меня в Америке есть неплохой специалист-компьютерщик – может, стоит ему показать оставшийся схематичный обрывок? Он попробует воссоздать утраченное изображение. Поверь, он специалист высокого класса и не раз уже помогал мне в сложных, казалось бы безвыходных, ситуациях.

Наташа молчала, погружённая в грустные помыслы; ей почему-то вспомнился давно погибший отец... Елисеев Дмитрий хотя и не достиг высокого роста, но, при жизни, являлся молодым мужчиной, обладавшим значительной силой. В его зловредном, а где-то ожесточённом характере присутствовали лихие черты, и он никогда не упускал хорошего случая ввязаться в очередную рискованную авантюру. Так случилось, перед его трагической гибелью ивановский криминальный босс (втайне ото всех, через какие-то одному ему известные связи) нашёл в дремучей чащобе Владимирской области затерянное селение, где местные жители находились практически у самых истоков цивилизации. В основном они занимались сельским хозяйством, молочным животноводством и лесным собирательством; руководил же ими седовласый старейшина, оказавшийся единственным хранителем потомственного секрета, оставшегося от канувших в лету повергнутых русичей.

Если вкратце обратиться к российской истории, то в стародавние времена, зимой 1238 года, хан Батый свирепствовал на территории разрозненных владимирских княжеств. Суздальский владыка, считавшийся в те суровые годы одним из богатейших вельмож государства, не пожелал с могучими недругами хоть чем-то делиться и повелел верноподданному слуге Птолемею (прозванному так за непомерную тягу к математическим и географическим исчисле-

ниям) вывести все найденные сокровища подальше, в лесистую глухомань, и спрятать, как он напутствовал: «... Понадежнее!»

– В случае, если со мной случится чего нехорошее, – говорил предусмотрительный управитель, – ты останешься единственным, кто ведаёт о наших несметных сокровищах. Сделай нормально, чтобы лютой, коварный ворог никогда б не проведал, где они существуют, и чтобы, когда понадобится, послужили на благо народной общины.

Немногочисленное суздальское войско 6 февраля 1238 года, у стен родного города, потерпело сокрушительное, грандиозное поражение. В живых не осталось практически никого, сам же Великий князь был умерщвлён неимоверно жестоким образом. Птолемей с точностью исполнил полученное ему негласное указание: с малочисленным количеством наивернейших сторонников укрылся в непроходимом, дремучем лесу и организовал отдельное поселение, сохранившееся до настоящего времени. Бесчисленное сокровище он, как и указывалось, спрятал безопасно, подальше, надёжно, чтобы ни одному живому человеку не стало под силу отыскать то сокровенное, заветное место. Однако пусть мужем он слыл учёным и дальновидным, зато нисколько не надеялся на долгую память. Дабы не забыть, где спрятан великий клад, практичный хранитель занёс его тайное месторасположение на пергаментный кусочек, аккуратно передававшийся из поколения в поколение (нетрудно догадаться, с сохранением подлинного секрета). Те пять человек, что сопровождали избранного смотрителя, приставленного к неисчислимым русским богатствам, и что последовали с ним до хитроумного сохранения, сгинули при необычных, если и не таинственных обстоятельствах (позволив Птолею единолично владеть непостижимой загадкой утраченного сокровища).

Ничего из рассказанного Наташа, конечно, не знала. Имя «Птолемей» обозначалось на доставшемся ей осколке секретного плана; то же страшное обстоятельство, что через несколько долгих столетий было обнаружено и разграблено древнерусское поселение, она узнала ещё от умершего родителя. В тот далёкий день, когда они убегали от ожесточенных, кровожадных преследователей, во время поспешных сборов отец первым делом поведал маленькой девочке об истинных причинах, побудивших поступать неординарным, зато оправданным способом.

– Нам необходимо срочно бежать, – говорил он, находясь на съёмной квартире и собирая белокурую дочку в кошмарную неизвестность, – твой папа снова ввязался в поганое дело и имел непоправимую глупость встать на пути крутого, серьёзного человека. Если вкратце, мы напали на старинную русскую деревушку и всех там безжалостно перебили. Потом мой жестокий босс долго пытал одного невзрачного человека и, вконец его замучив, выведал у него сокровенную, заветную тайну, которую случайно довелось узнать и твоему родному отцу, где-то неразумному, а в чём-то и непутёвому. Наш мстительный предводитель посчитал мою излишнюю осведомлённость обстоятельством просто недопустимым, и теперь наши жизни подвергаются нешуточной, дьявольски чреватой, опасности.

Далее, в ходе поспешного бегства, безответственный родитель рассказал совсем ещё маленькой девочке про строгий секрет двух порванных половинок; не забыл он и уточнить, что истинный оригинал был полностью уничтожен.

Теперь же вот, сопоставляя известные факты, Елисеева молча выслушивала гладкие трели, прорывавшиеся от ворковавшего подле угодливого О'Доннелла. Вдруг она резковато дёрнулась, словно пробудившись от тяжелого, кошмарного сна, а глядя глазами прямо в глаза (он отвлекся от управления и изучал ослепительный взор необычайной красавицы), высказала затаённые мысли, терзавшие её последнее время:

– Как ты думаешь, милый, раз мой отец делал похожий рисунок в спешке, то, наверное, существует немалая вероятность, что он либо в чём-то ошибся, либо лесные координаты перенёс немножко неверно. Точных ксероксов тогда не было, и ему приходилось вычерчивать каждую линию лично, собственными руками. Я согласна, он отличался особым дарованием и несравненной тягой к феноменальным художествам; но что, если он что-нибудь понял непра-

вильно, и что, если так же неправдоподобно перечертил имевшиеся данные на некорректную схему – могло же такое случиться?.. Тем более что он тогда торопился, являлся возбуждённым, не в меру напуганным, а потому никто и не поручится, что он не совершил какой-нибудь маленькой, но досадной ошибки. Так что, Майкл, ты обо всем мною сказанном думаешь?

О'Доннелл, периодически отводивший от зеленоглазой блондинки влюбленный взгляд (смотрел на дорогу) и тут же возвращавший его обратно, прекрасно понимал, что озвученные обстоятельства могут соответствовать прискорбной действительности; также больше чем очевидным ему представлялось, что в указанном случае тайна древнерусского сокровища будет утрачена бесследно и безвозвратно. Не желая погружать удручённую спутницу в дополнительные невесёлые размышления, заокеанский поклонник решил хоть как-то её ободрить, а по возможности и развеять угнетённое, тоскливое настроение.

– Теперь, естественно, никто не поручится, – сказал он, растворяясь влюблённым взглядом в ясных, едва ли не изумрудных глазах. – Лично я считаю, что нам следует идти чуть-чуть по-другому: необходимо отыскать вторую половинку составленной схемы, а по ней и определить, в каком истинном направлении полагается двигаться дальше. С моей точки зрения, пусть и не получится добиться натурального сходства, но знай мы отправную точку и нужное расстояние – искать станет существенно проще. Если вдобавок мы используем компьютерные возможности, предоставляемые современной вычислительной техникой, то потонувший «Титаник» со дна глубоководного сможем поднять – чего уж там говорить про обыкновенные земляные раскопки?

Мысленно он желал наговорить ещё много ласковых, поощрительных слов, совершенно упустив из пристального внимания, чем непрямою должен был заниматься; сейчас услужливый воздыхатель легкомысленно доверился профессиональным качествам, присущим и опытным, и искусным водителям. Однако небрежное, нарочитое отношение, проявленное к участку автомобильной дороги, наполненной лихими опасностями (и где возможно движение небезопасной техники) практически всегда находит отголосок в праведном гневе Великой Вселенной; не явилась каким-то удивительным исключением и та непринуждённая невнимательность, с какой О'Доннелл подходил к безответственному управлению транспортным средством. Он как раз смотрел на миловидную спутницу и прилагал все мыслимые усилия, чтобы хоть как-то её успокоить, безрассудно положившись на спокойное протекание заданного маршрута, когда зеленоглазая девушка, на миг оторвавшая от него озабоченный взгляд, вдруг резко вернула его обратно и мгновенно наполнилась неподдельным, неопишваемым ужасом.

– Майки, смотри на дорогу! – закричала Наташа перепуганным голосом, в одно мгновение задрезавшим от нешуточного, неистового волнения. – Мы сейчас врежемся!

Резким движением головы Майкл вернул встревоженный взор к дорожному направлению и, мгновенно оценив возникшую ситуацию, более чем отчетливо осознал, что избежать смертельную опасность практически не получится...

Что же проявило нечеловеческий испуг у молодой красавицы и её преданного возлюбленного? Поддавшийся безотчётной беспечности, основанной на незагруженной трассе, американский водитель уверенно вёл автомобильный фургон (не забывая безответственно отвлекаться, чтобы полюбоваться находящейся рядом очаровательной девушкой). В то же время впереди, прямо по курсу их следования, но только на встречном движении, точно так же, совершенно спокойно, чувствовал себя обыкновенный российский дальнбойщик, управлявший огромной фурой, сравнимой разве со вместительным железнодорожным вагоном. Двигаясь не первые сутки, он излишне расслабился (из-за спокойного следования по незагруженной трассе) и теперь слегка клевал носом, потеряв разумную бдительность, необходимую при безопасном вождении.

Протянутая по холмистой местности, автострада М7 славится всевозможными спусками и последующими крутыми подъемами; приведённая особенность, по-видимому, и послужила

хорошим подспорьем последовавшему роковому стечению обстоятельств. Успокоившись, что по ходу следования практически не попадаете встречного транспорта, подуставший мужчина, управлявший автомобильным поездом, на одном из таких подъемов догнал автоцистерну, двигавшуюся в попутном направлении и перевозившую какую-то взрывоопасную жидкость. Человек тот, ретивый, очень спешил, потому-то и проводил за рулевым управлением большую часть суточного времени, оставляя на сон лишь малые, неоправданно короткие, промежутки. Цистерна продвигалась невероятно медленно, и первый водитель, не желая терять достигнутой скорости, предположил, что может положиться на банальное везение и слепую удачу. Из-за темного времени суток и сильной усталости он не придавал достаточного значения, что въезжает на крутой, искривлённый пригорок, решив обогнать возникшее препятствие, образовавшееся вовсе не своевременно и мешавшее стремительному движению. «Притопив» поглубже газовую педаль, он вышел на встречную полосу и поравнялся с обгоняемым автопоездом. В тот же самый момент, из-за ближайшей возвышенности, на приличной скорости, достигавшей никак не меньше восьмидесяти километров, вылетел иностранный мини-фургон, управлял которым, конечно, американский предприниматель.

Положение оказалась критическим: до ужасного столкновения оставались считанные секунды, а найти в сложившейся ситуации какое-то правильное решение не представлялось возможным. Поддавшись инстинкту самосохранения, Майкл резко дёрнул руль вправо (что считалось вполне логичным, ведь впереди надвигалась несокрушимая железная масса) и попытался уберечься от страшного столкновения, направляясь напрямую в придорожный кювет. Избежать одной из самых страшных аварий, к удаче, всё-таки получилось; но теперь, потеряв под колёсами твёрдый асфальт, автомобильный фургон очутился на неровной поверхности, порезче подпрыгнул, завалился на правый бок, а дальше, хорошенько ударившись о брентную землю, принялся энергично крутиться, перевернувшись несколько раз вокруг невидимой оси, словно бы специально вставленной – воткнутой в самый центр попавшей в отчаянную переделку несчастной машины.

Но что же шофёр огромной фуры, вопреки нормальному здравому смыслу безрассудно нарушивший дорожные правила? Заметив перед собою яркий свет фар и с прискорбием осознав, что встречный удар никак не миновем, он, явно желая его избежать, начал выкручивать рулевую баранку на направление аналогичное, какое выбрал другой, не менее беспечный, водитель. От ужасных последствий, непременно последовавших бы при пересечении случившихся траекторий, спасло лишь единственное условие: автомобильная фура, имевшая намного ббльшие размеры (вследствие чего являлась гораздо неповоротливее), изменяя первоначальное направление, нижним металлическим корпусом зацепилась за двигавшуюся рядом автоцистерну. Предпринятый манёвр гораздо замедлил начальную скорость, зато способствовал тому ужасному обстоятельству, что огромный грузовик начал валиться набок, увлекая с собой и перевозчика взрывчатой жидкости тоже. Заскрипели тормозные колодки, посыпались янтарные искры, и обе могучие машины разом безостановочно закрутились, словно бы были игрушечные. Целостность верхнего люка, преграждавшего свободный выброс горючей влаги, оказалась нарушена, вследствие чего взрывоопасная жидкость незамедлительно устремилась наружу, моментально воспламенилась и раздалась громоподобным, сокрушительным взрывом, разбрасывавшим вокруг многочисленные металлические осколки, крупные и мелкие, раскалённые и смертоносные, звенящие и свистящие.

От губительного воздействия, сметавшего всё, что не попадалось ему на пути, американский малый фургон уберегло одно случайное обстоятельство: увлеченный движущей силой, сохранявшейся в результате нештучной скорости, он, кувыркаясь и ударяясь, взлетая и падая, отлетел от эпицентра мощного взрыва на недостижимое, «спасительно» приличное, расстояние... И только многочисленные мелкие частички нещадно забарабанили по белоснежной обшивке изрядно помятого корпуса.

Вацек Валерий Владимирович недавно справил сорок четыре года и слыл состоявшимся и обеспеченным человеком. В далёкой и бурной юности (как и все тогдашние преступные элементы, не имевшие достаточного образования и чёткого смысла в жизни) он состоял в значимой ивановской группировке (преступного толка) и носил непривлекательное прозвище Дрищ. Прилипший псевдоним наделялся значимым смыслом: человек тот виделся невысоким, излишне худощавым и неестественно слабым. В противоположность видимой щедедушности, амбициозный парень отличался дерзким характером, жестоким и злобным, непримиримым и беспощадным, в связи с чем ещё с юношеских лет заслужил себе громкую славу – безжалостного убийцы. Естественно, со временем позорная кличка осталась в глубоком прошлом; теперь же Вацек называли не иначе, а исключительно Босс. Он, и действительно, давно уже заведовал всем областным криминалом – ему посчастливилось перехватить завидное первенство у канувшего в лету бывшего предшественника (как оно и полагается в «опасном бизнесе»), и самолично, и преждевременно отправив его к умершим прародителям.

Случилось так, что кульминационный конфликт разгорелся аккурат из-за того самого утраченного сокровища, путь к которому и пыталась отыскать одна из самых очаровательных девушек (не преминувшая соблазнить на увлекательное приключение и неразлучного американского бизнесмена). В те давние, «весёлые» времена Дрищ не поверил лицу, заправлявшему региональной преступной организацией: он справедливо предположил, что хитроумный отступник скрывает от свободолобивой братвы некую великую тайну и не считает обязательным ни с кем поделиться. Подговорив ближайших сторонников, он организовал негласную сходку местных криминальных авторитетов, проходившую (как не покажется странным?) без участия (того!), чья незавидная судьба решалась на важном бандитском сборище. Общим безоговорочным решением он был заочно низвергнут и тем же мигом приговорён к скорейшему жестокому умерщвлению. Исполнять «почётную миссию» (с превеликим удовольствием) взялся, естественно, Вацек, питавший и ещё один дополнительный умысел – прославиться в качестве беспощадного и кровожадного киллера.

Бывший авторитет умирал тяжело, испытывая нечеловеческие мучения, невыносимые и неслыханные, пока, вконец не обессилив, самолично вдруг не взмолился, чтобы Валерий заканчивал уже и изощрённые, и крайне жестокие пытки. Уважением к его «законной» просьбе явился отточенный удар знаменитой финкой НКВД, направленной прямо в глаз развенчанного преступного босса. Тогда же, на общем собрании, Дрища назначили главой «преступного братства», и с тех самых пор позорное имя благополучно забылось. Злобный бандит стал безраздельно властвовать над всей Ивановской областью, постепенно подчиняя себе любого, кто имел к криминальному миру хоть какое-нибудь идейное отношение; ни одно мал-мала серьёзное преступление не совершалось теперь без его личного одобрения, с непременным пополнением общественной кассы, именуемой в просторечии «воровским общаком». Грозный мужчина, с виду казавшийся маленьким и щедедушным, снискал себе громкую славу кровавого и удачливого убийцы, а ещё и талантливого организатора, непревзойдённого, едва ли не гениального.

С тех пор минуло два добрых десятка лет, но Вацек так и не отказался от назойливой мысли найти утраченное в неразберихе немислимое сокровище.

Итак, проснувшись ранним апрельским утром, по обыкновению в шесть утра, он сразу же включил вещательный телевизор и начал, как и всегда, одновременно с утренним моционом, прослушивать последние региональные новости. Вацек как раз находился в ванной и чистил зубы, когда с неугомонного экрана прозвучала негромкая фраза, еле-еле до него долетевшая, но словно бы острым клинком вошедшая в чуткое ухо; она взбудоражила бандитское сознание до такой чрезвычайной степени, что он едва не проглотил зубную щетку и, ошарашенный, поперхнулся. Так и оставаясь с нею во рту, он разом вылетел в огромную залу, где прямо перед плазменным устройством, на широком диване, беспечно развалился огромный, «горилообраз-

ный» человек, который бесцельно вертел пультом управления, словно бы раздумывая, что же с ним следует сделать.

– Буйвол! – брызгая ароматной пеной, грубо прикрикнул разгневанный Босс. – Как прикажешь тебя понимать?!

Копылин Иван Альбертович заслужил говорившее прозвище из-за трёх неотъемлемых признаков: необъятной, просто неисчерпаемой силы, да внешнего спокойствия, да безудержной ярости (вскипавшей в нём всякий раз, когда его вынуждали к необузданному проявлению звериного буйства). Ближайший соратник, он был старше главы ивановской мафии на каких-то два года и прошёл вместе с ним долгий, тернистый путь, позволивший подняться от простых, никчёмных «шестёрок» и до непререкаемых руководителей местного авторитетного криминала. Буйвол не отличался сверхдарённым разумом (в наивысшей степени им наделялся более мелкий сподвижник), наоборот, он слыл по-настоящему глупым; зато звероподобный детина владел нечеловеческой, сокрушительной мощью, позволявшей двигать необъятные, огромные валуны (вследствие чего становилось не слишком понятно, почему переросток-верзила настолько легко подчиняется маломерному, тщедушному человечку?). Крепкая дружба разносторонних людей завязалась давно. Копылин в ней, не отличаясь большим умом и здравым рассудком, всегда полагался на хитроумного и изворотливого поделщика; он даже (никогда не выказывая явного недовольства) позволял тому и «пилить» себя, и дерзко песочить, испытывая к Вацеку если и не трепетный страх, то братскую дружбу и настоящее «пацанское» уважение.

Вот и теперь, со стороны могло показаться необъяснимо странным, как мужичок с ноготок, смотревшийся не больше чем «метр с кепкой», всюю отчитывает стоящего перед ним большого громилу, а тот лишь виновато хмыкает, опустив понурюю голову, отчасти квадратную, а частью, наверное, всё-таки «бычью». Стоит отметить, он не сразу и понял, в связи с чем возникло неистовое негодование не столько властного хозяина, сколько лучшего друга; но на всякий случай, видя разгневанного Валерия, звероподобный мужчина мгновенно поднялся с удобного места и застыл в почтительной позе, спокойно дожидаясь, когда же ему объявят обоснованную «предьяву». Глава ивановской преступности не заставил долговременно ожидать.

– Дык ответь мне, презренный Ивашка, – уничижительное имя он применял исключительно в случаях крайнего отчуждения, – как стало возможным, что та маленькая девчушка, которую – я! – приказал жестоко убить, до сих пор остаётся живой? Она вон даже умудряется попадать в автомобильные катастрофы... получается, так-то ты предан давнему, верному другу?

Человек, некогда носивший прозвище Дрищ, хотел сказать ещё много «тёплых» и «ободрительных» слов, но (тут!) информационный ролик прокрутили повторно, как бы подтверждая Копылину его смутные подозрения, внезапно нахлынувшие из далекого, казалось бы давненько забытого, прошлого.

«Вчера, около девяти часов вечера, – говорила с голубого экрана приятная, симпатичная девушка, державшая перед лицом микрофон и описывавшая случившуюся накануне невиданную трагедию, – на возвышенном участке автодороги М7 произошла автомобильная катастрофа: столкнулись автофургон, автоцистерна и небольшой «минивен». В результате ужасной аварии случился сокрушительный взрыв, унесший с собой жизни обоих водителей-дальнобойщиков. Следовавшим на автомашине «форд» израненным мужчине и женщине посчастливилось уцелеть, но, в связи с тяжёлыми травмами, оба они находятся в критическом состоянии. Выжившими оказались американский предприниматель Майкл О'Доннелл и писательница Елисеева Наталья Дмитриевна. Информация для ближайших родственников: они госпитализированы в травматологическое отделение областного госпиталя для ветеранов войн».

Дальше шло подробное описание как самой катастрофы, так и сопутствовавших причин. Понятное дело, остальные подробности зрителям, утратившим к пустому ролику всяческое

внимание, стали безынтересны: они услышали всё, что им, в сущности, требовалось. Озабоченный приведёнными фактами, Вацек настойчиво требовал у неотступного друга весомого оправдания:

– Как же, Буйвол, так получилось, что девчужка осталась живой, – ты меня «кинуть», что ли, решил?

– Может, она не та, Босс? – робко заметил большой человек, неловко с ноги переминаясь на ногу. – «Може», «какá», «другá»?

– Видишь, – зло усмехнулся Вацек предположению, казавшемуся необдуманном, невероятно тупым; он не преминул построже нахмуриться, – ты и сам-то ни в чём не уверен, а знаешь, моё утверждение, что ты тогда, в далёком девяносто восьмом, не выполнил поставленного приказа, оказалось и верным, и правильным – получается, ты, что ли, паскудный предатель? И потом... я совсем не думаю, что в ивановской области слишком много Елисеевых Димок, способных породить молоденьких, расцветающих дочек. Хватит, Ивашка, юлить – давай уже признавайся.

– Но... – несостоявшийся убийца маленькой девочки еле слышным голосом попытался хоть что-нибудь выдать.

Закончить несостоятельное оправдание Валерий не дал: он метнул на давнего сподвижника яростный, бешеный взгляд, от которого по спине у того вдруг враз забегал неприятный, морозивший холодок, а грузное тело затеребилось лёгкой нервной дрожью.

– Хватит уже, наверное, Буйвол водить меня за нос, – грубо бросил региональных предводитель преступников, – а рассказывай уже: как позорное дело случилось в натуре?

Огромный мужчина виновато потупился, уставил опечаленный взор в начищенное до блеска половое покрытие и слегка охрипшим голосом выдал страшную тайну, примерно им хранимую и пронесённую чрез долгие годы:

– Извини, Босс, но ты ведь знаешь меня: врага – пусть хоть мужчина, хоть женщина – я голыми руками, без никакого оружия, для тебя разорву; не получится – грызть буду оставшимися зубами. Но маленькую, ни в чём не повинную девочку?.. Её я просто не смог. Прости, но это единственное, в чём ты можешь меня упрекнуть. Я ещё в тот вечер хотел тебе представить справедливые возражения, типа, заявить, что не смогу поступиться «пацанской» совестью; но я предположил, что ты либо убьёшь её сам, либо поручишь кому-то другому. Не знаю почему, но я ужасно пожалел ту хлипенькую девчужку и не посмел допустить, чтобы с ней случилось хоть что-то плохое. Эх! – он печально вздохнул. – Вот потому-то я и увёл несмышлёную малютку от вас подальше, спрятал в придорожной канаве и велел сидеть тихо-тихо. Я в тот раз, если честно, подумал, что невинная дочка не должна отвечать за проделки мерзопакостного, гнилого папаши: мала она слишком была в то суровое, свирепое время.

– Зато теперь «вертлявая сучонка» подвыросла, – резко оборвал преступный авторитет, – а что, если ей ни с того ни с сего захочется отомстить? Видишь: она и с американским пройдохой специально связалась. От них же, от заморских напыщенных «нёрусей», всегда ожидай единственного – больших неприятностей. Однако... – понизился Вацек до зловещего полупешепота и придal себе заговорщицкий вид, – может не так уж и плохо, что девка «страмная» осталась жива?

– Не понял? – пришла очередь удивляться униженному громиле. – Ты же меня – вот только! – презренным предателем чуть ли не объявил?

– Да, ладно, ты... успокойся, – промолвил Валерий более дружественно, но продолжая выделяться полной таинственностью, – помнишь, когда мы убивали прежнего босса, я ему тогда, поганому выродку, предъявил, что он «закрысил» некие таинственные сокровища, строгий секрет которых ему, по случаю, удалось раздобыть – это когда мы разграбляли затерянную в лесах славянскую деревушку. Я тогда ещё подумал, что он просто не хочет ни с кем делиться, и – если ты не забыл? – подверг его жестким, попросту нечеловеческим, пыткам – мне силой

хотелось вырвать ревностно хранимую тайну. Нет! Я не думаю, что после стольких страданий, он смог бы и дальше удерживать любые, даже и самые сокровенные, мысли. Но, знаешь ли, Буйвол, что он мне всё-таки рассказал?

– Нет, – откровенно признался Копылин, выражая крайнее, едва ли не полное удивление, – мне это неизвестно. Ты сам с ним всё время о чём-то шептался; я же только помог его захватить и за весь период продолжительной пытки преспокойненько находился на улице, – необъятный детина на секунду остановился, а затем, как будто бы что-то припомнив, счастливый, воскликнул: – Точно! Ты же сам к нему никого не пускал – сказал, типа, только ты сможешь обойтись с ним «по-пацански», согласно и наших традиций, и его высокого положения.

– Правильно, – согласился босс ивановской мафии, хитро прищуриваясь, – я справедливо предположил, что, если случится избыточное собрание, отпетый мерзавец не посчитает нужным со мной откровенничать, – а более печально, – как же я ошибался, ведь, оказалось, Елисева Димку мы «убирали» как раз таки за ту непростительную провинность, что он, паскудный негодник, уничтожил истинный документ, разъясняявший, где спрятаны древнерусские несметные ценности. Теперь вот я думаю, что с преждевременным убийством тогда мы немного погорячились – а, знаешь ли почему?

– И тут я не в силах разумно ответить, – не менее честно признался огромный бандит, продолжая стоять и с низко опущенной головой, и с искренне застенчивым видом.

– Теперь я попросту убеждён, – снова нахмурился Вацек, но уже не испытывая по отношению к Буйволу прежнего гнева, а предаваясь памятным размышлениям, ведущим в их славное прошлое, – что Елисеев в то далёкое время не просто уничтожил секретную карту, нет! Он сумел разгадать, где скрыто бесчисленное сокровище. Однако наш прежний босс, который не славился аналитическими способностями – за что он, кстати, и поплатился – не рассмотрел тогда столь значимой перспективы, а велел просто-напросто взять да и Димку убить. Ах! Если бы мы на него в те времена как следует надавили, то мы бы давно уже владели несметным богатством и ни в чём не нуждались.

– Но мы вроде и так не особенно бедствуем, – вырвалось у Копылина, сразу же зажавшего говорливый рот огромной ладонью.

– Я как раз сейчас не об этом, – усмехнулся Вацек невольному движению могучего человека (не без прикрас будет сказано, он просто залоснился от того благоговейного трепета, какой внушал любому, и даже необъятному, тупому громиле), – я размышляю, – он взял короткую паузу, пристально поглядел на преданного соратника и задался справедливым вопросом: – Смогу ли я теперь, после того что мне вдруг стало известно, довериться тебе... так же как раньше?

– Ну?.. – Иван виновато насупил и отвел в сторону взгляд, наполненный смущённой стыдливостью. – Ты же знаешь меня давно, словно облупленного... короче, за исключением малой девочки, я не подвёл тебя боле ни разу.

– Хорошо, – окончательно на что-то решившись, деловито промолвил Валерий, – всё равно у меня нет никого, кого бы я взял на важное дело в прямые поделники. В общем, слушай, какая меня посетила диковинная идея, – он приблизился ближе и дальше заговорил заговорщицким полушёпотом: – Тогда наш босс-дурак, являясь человеком недалёковидным, не разобрался в сложившейся ситуации досконально. Считая Елисеева гнусным предателем, велел его просто взять да и по-быстрому «замочить» – не спорю, поступил он целиком и полностью справедливо. Однако он, тупой кретин, ни разу не догадался, что, прежде чем привести тот приговор в логичное исполнение, необходимо было гнилого отступника как следует допросить и применить к нему болезненное пристрастие. Эхе-эхе, знай я в те давние времена истинные обстоятельства запутанного, сложного дела – я бы, безусловно, так бы и поступил. Теперь то чего причитать: надлежащий момент упущен, и достаточно основательно. Между тем мне почему-то кажется, что не всё ещё потеряно до конца. Почему я так думаю? Скорее всего,

Димка успел раскрыть страшную тайну маленькой дочке, и теперь она единственный человек, знающий о потерянных древнерусских сокровищах.

– В положенном случае она давно бы ими воспользовалась, – неожиданно для себя самого Копылин высказал здравое замечание, не лишённое осмысленной логики.

– Вот зачем ты мне сейчас об этом сказал?! – предводитель ивановского преступного братства едва не поперхнулся и одарил неизменного сообщника взглядом свирепым, ежели не зловещим (от какого тому вдруг тотчас же захотелось провалиться на месте). – Хотя-а?.. – сразу найдя решение, через секунду продолжил Валерий. – Если она их достала, мы попросту вырвем у «маленькой сучки» – то! – что принадлежит нам, заметь, по изначальному, первому праву.

Глава V. Допрос с пристрастием и новая жертва

Хотя Денис и считался человеком, подозреваемым в одном из самых жестоких и отвратительных преступлений, но официального обвинения предъявлять ему пока не решались; а доставив предполагаемого маньяка в районный отдел, каждый попросту занялся исполнением основных, повседневных обязанностей. Единственный (кому было надобно больше всех) подполковник Карелин ходил по заинтересованным кабинетам и, страшно нервничая, уговаривал немедленно приступить к активным мероприятиям и основательно допросить «презренного негодяя». Разумные высокопоставленные начальники, зная недалекий ум сумбурного самодура, молчаливо отмахивались, словно бы он являлся какой-нибудь назойливой мухой: они-то прекрасно осознавали, что построить откровенную беседу (на чём?!) на недоказанном домысле в настоящем случае навряд ли получится.

Так Градов и просидел в одном из кабинетов оперативного состава до окончания истекшего дня, а впоследствии остался в районном отделе и на ночь. Начальнику поселкового отделения ничего другого не выходило, как «несолоно хлебавши» отправиться отдыхать. Предполагаемый допрос особо опасного преступника отложили до утра: областное управление пообещало выделить сведущих, наиболее профессиональных, сотрудников, которые, сверх прочего, привезут с собой технический полиграф, способный развязывать языки и отпетым молчунам, и прожжённым, матёрым преступникам.

Вот и настал решающий день в судьбе молодого оперуполномоченного, когда от одного неверного слова может поломаться вся его дальнейшая жизнь. Не стоит говорить, что он (немного уже знакомый с действенными методами, какие применяются в органах внутренних дел) чувствовал себя не то чтобы неуверенно и неуверенно, но подвергся безотчётному, ни с чем не сравнимому, страху и давно уже прощался и с полицейской карьерой, и со счастливой свободой. На протяжении прошедшей ночи, показавшейся продолжительно долгой, как бы он не пытался, но так и не сомкнул затуманенных, отчасти заплаканных, глаз; к наступившему утру невыспавшийся юноша мало того что выглядел вконец перетрусившим, так ещё и выжался словно лимон, утративший всяческую возможность достойно сопротивляться. Как распорядился начальник местного отдела внутренних дел («от греха подальше...»), молодого человека в добровольно-принудительном порядке перевели в одну из одноместных камер, предназначенных для временно задержанных лиц. Пусть возмущённая душа юного полицейского и бурно негодовала, но, скрепя сердце, ему пришлось подчиниться.

Он думал, что им займутся с самым рассветом (ну, или чуточку позже?); впрочем, неумолимое время потихонечку шло, а к нему никто не соизволил спускаться. Страшно хотелось и есть и пить, однако про Градова словно забыли, лишив его первостепенных потребностей, необходимых для нормальной жизнедеятельности молодого, всё ещё росшего, организма. По его мнению, пренебрежительное отношение не представлялось чем-нибудь удивительным, ведь другие полицейские теперь его считали не просто неоперившимся юношей, не укоренившимся в общественном коллективе, но ещё и (по его убеждению?) жестоким маньяком-убийцей, обманным путем затесавшимся в их дружное полицейское братство.

Вот таким невеселым думкам подвергал себя взволнованный парень, когда в половине одиннадцатого в промозглую «казематку» вошёл начальник уголовного розыска, сопровождаемый оперативником, прибывшим из областного центра, и, разумеется, господином Карелиным.

– Меня зовут Сазонов Михаил Александрович, – представился незнакомый мужчина, казавшийся главным как по чину, так и по званию; без особых предисловий он взял инициативу в искусные, умелые руки: – Я подполковник полиции, курирую преступления, связанные с загадочными убийствами и жестокими изнасилованиями. Как ты, наверное, понимаешь, –

старший офицер, по сути, не церемонился, – в ближайшее время нам предстоит и плотно и тесно общаться, пока мы не сдвинемся с мёртвой точки и пока не придём к безоговорочному консенсусу. Первым делом спрошу: есть ли тебе нам в чём-то открыться? Если имеется, то лучше признайся сейчас. В настоящем случае мы ещё как-то сможем тебе помочь, потом же, к общему сожалению, будет намного труднее. Ну так как, существует ли нечто, что сильно тяготит смятенную душу?

Опытный офицер, он отлично знал оперативное дело, проведя на службе в органах внутренних дел лучшие годы изрядно насыщенной жизни. Достигнув тридцатисемилетнего возраста и выследив не одного закоренелого, отъявленного преступника (считавшего себя чересчур хитроумным), Сазонов отлично разбирался и в человеческой психике, и в эмпирической психологии (почему и был назначен на самое ответственное направление в оперативных расследованиях). Статными внешними данными он выдавал привлекательного человека, следившего за подтянутой фигурой и уделявшего немалое время активным занятиям спортом: высокий рост гармонично сочетался с натренированным крепким телосложением; ухоженное лицо отдавало бронзовым оттенком смуглого цвета кожи; серые глаза по краям были чуточку карими, а пронзительным взглядом могли поведать, что их самоотверженный обладатель отличается пытливым умом и расчётливым разумом; нос – в целом прямой, лишь к концу смотрелся несколько вздернутым, передававшим некую капризность волевой, но и ранимой натуры; средние уши представлялись чуть оттопыренными и ничуть не скрывались за чёрными волосами, представленными ухоженной короткой причёской; мясистые губы прикрывались аккуратно подстриженными усами. Строгое одеяние областного сотрудника представлялось дорогим коричневатым костюмом, отлично сочетавшимся с белоснежной рубашкой, украшенной изящным, в небольшую крапинку, галстуком. Глядя на опрятного, превосходно сложенного, человека, складывалась оправданная оценка, что перед тобой находится не просто сотрудник, неплохо знающий розыскное дело, а целиковый кибернетический организм.

Именно такое впечатление и утвердилось в сознании молодого оперативника, вследствие чего поникшая душенька загрустила значительно больше (начинало складываться определенное мнение, что, с помощью его непосредственного руководителя и начальника уголовного розыска, ивановский оперативник сумеет склонить его признаться в чём угодно, к примеру, к разрушению двух башен Всемирного торгового центра, ну, или в крайнем случае к нашумевшему убийству американского Кеннеди). Объятый непобедимым страхом и колотившей нервной дрожью, молодой человек отчётливо понимал, что помощи ему дожидаться неоткуда, – машинально он замкнулся в себе и приготовился выдерживать сокрушительный психологический натиск, непередаваемый никакими простыми словами. Наверное, именно поэтому на заданный подполковником первый вопрос он ответил и злобно, и неприветливо, сжимаясь словно загнанный в угол дикий зверёк (опустил книзу глаза и насупил лицо) и отображаясь дребезжащими интонациями:

– Я ничего не делал и раскаиваться мне не в чем. Вы собрались «повесить» на меня очередное нераскрывающееся убийство; ну, так что же... дерзайте. На то воля ваша.

– Ты давай здесь не умничай, – грубо оборвал его Герман Петрович, в присутствии областного оперативника не решившийся рыкнуть, по обыкновению, грубо, – следы преступника ведут к твоему поселковому дому, а там обрываются. Сие, «поганый негодник», может означать однозначное – ты и есть тот самый жестокий убийца!

Ивановский подполковник одарил неугомонного начальника остужавшим взглядом, яснее-ясного говорившим, что тот значительно опережает планируемые события, да и просто суётся в чужое дело; можно сказать, региональный офицер уже пожалел, что позволил тому участвовать во время следственного допроса. В любом случае вслух он заносчивому самодуру ничего не сказал, а отвернувшись к Денису, спокойно промолвил:

– согласишься ли ты – если к тому возникнет необходимость – пройти психофизиологическое исследование и ответить через техническое устройство на интересующие нас простые вопросы?

– Конечно, – не задумываясь, выпалил молодой человек, придавая произнесённым словам как можно большей уверенности, – мне скрывать нечего, и я готов на любые правомерные процедуры, лишь бы доказать вам полную невиновность. Я сам не понимаю, как вдруг стало возможным, что следы маньяка-убийцы привели к моему временному жилищу? Очевидно, меня кто-то слишком сильно желает подставить?.. – пожал он, недоумевая, плечами.

– Но зачем? – вмешался Бесстрашный, выгодно отличавшийся от Карелина покладистым характером и непременным желанием докопаться до искомой истины, а не «загрузить» первого человека, попавшего под лёгкое подозрение. – А главное, кому – такое! – могло прийти в голову?

– Я не знаю... пока, – понуро потупившись, продолжил Денис подрагивать нервными нотками, – но непременно хочу это выяснить...

Договорить младший оперуполномоченный не успел, так как Герман Петрович, никак не реагирующий на ивановского сотрудника и считавший себя непревзойдённым мастером развязывать преступные языки, грубо оборвал недоговорённую короткую реплику. Придавая выразительному лицу звериное выражение, он гробовыми интонациями зло прорычал:

– Хватит нам «ваньку валять»! Мы всё уже хорошо себе представляем, – что именно ему известно, уточнять он не потрудился, полагая, что одного, по его мнению сильного, утверждения будет более чем достаточно, – и всё равно тебя, «мерзавца», засадим – доказательств хватает! Давай уже сознавайся и сэкономь нормальным людям их драгоценное время! У нас и без тебя, «паскудный ублюдок», рабочей мороки хватает!

Областному оперативнику, видимо, было в диковинку подобное проведение следственных действий, и он, ошарашенный и опешивший, уставился на – целого! – начальника поселкового отделения; он явно не понимал – как?! – неотесанный, невоспитанный человек дослужился до высокого, почётного чина. Верный служебному долгу, он считал, что просто обязан осадить бесцеремонного, бесстыжего грубияна.

– Товарищ подполковник!.. – строго нахмурившись, придал он мелодичному голосу металлических ноток, а нарушая основные, допустимые инструкции, грозно воскликнул: – Что Вы себе позволяете?! Достоверно не установлено, имеет ли молодой человек какое-то отношение к совершенному преступлению или же нет, то есть мы пока ещё не знаем, является ли он лицом, причастным к раскрываемому убийству. Если вы не поняли, сейчас мы пытаемся разрешить сомнения, возникшие касательно некоторых необъяснимых событий. Прошу Вас не вмешиваться, в противном случае, я буду вынужден просить Вас незамедлительно покинуть допросное место. Пока же отойдите в сторонку и не мешайте, пожалуйста, устанавливать основные обстоятельства и без того неординарного дела.

Для более грамотного областного оперативника было дико и непривычно вести межличностные трения в непосредственном присутствии подозреваемой личности; однако, вопреки всем принятым правилам, он никак не желал допустить, чтобы своенравный, считавший себя мелким царьком, начальник мешал ему соблюдать необходимые процессуальные меры, априори служебные предписания. Неудивительно, его стойкое терпение лопнуло сравнительно быстро, после чего он и выговорил «самодурящему» начальнику о неправомерных, неправильных действиях, мешавших общему розыскному делу. Он не сомневался в его исключительных способностях, позволявших выводить на откровенный разговор людей из низких социальных прослоек; но здесь перед ними предстал человек совсем другого склада, являвшийся, между прочим, оперативным сотрудником, – а с ним привычные методы (каких обычно придерживался Карелин) считались просто недопустимыми. Герман Петрович, конечно, ничего из перечисленного никогда бы не осознал, несправедливо предполагая, что ивановский «хлыщ» хочет

всего-навсего заграбастать себе его громкую, почётную славу (которая непременно следует после раскрытия необычного, небывалого ранее, преступления); его же (прославленного сотрудника, опытного специалиста, тёртого и заматерелого!) желают обойти стороной и позабыть в раздаче победных лавров, полагающихся за вывод «на чистую воду» жестокого душегуба, очередного маньяка-убийцу. Основываясь именно на предвзятых предубеждениях, ошибочных и пристрастных, он остался крайне недоволен тем пламенным изречением, что поступило от «кичливого областного начальничка» (так он его про себя называл). Несмотря на заносчивый, вздорный характер, ко всеобщему удивлению, возражать Карелин всё-таки не отважился, а придав озлобленному лицу обиженную, крайне недовольную, мину (вероятнее всего, понимая, что власти у «самодовольного оппонента» немного побольше), отошёл, куда ему посоветовали, и уселся на разложенные нары, позволив продемонстрировать, как же необходимо поступать в означенных случаях.

Сазонов не заставил всех ждать, а тотчас же высказал дельное предложение, показавшееся ему приемлемым, наиболее здравомыслящим:

– В таком случае, когда все наконец-то наговорились, – он недобрый взглядом окинул поселкового подполковника, – тогда уже можно пройти в допросную комнату и продолжить нашу беседу в специально предназначенном помещении. В нём установлены видеокамеры, постоянно ведётся пристальная фиксация, и никому не придётся слишком уж своевольничать, – явный намёк относился к Карелину, на что тот лишь презрительно фыркнул, а ивановский оперативник продолжал, обращаясь лично к Денису: – Мы хотели дать тебе, Градов, редкий шанс, позволяющий облегчить незавидную, печальную участь, и пытались поговорить вначале здесь, без лишних свидетелей. Раз ты всесторонне уверен, что за тобой никаких потаённых грехов не тянется, то мы сразу же начнём процессуальную процедуру, какую принято проводить по законным, официально установленным, правилам.

– Не возражаю, – утвердительно кивнул молодой человек, волею сурового случая попавший под сложное подозрение и готовый выполнять любые условия (только бы оправдаться в запутанной ситуации), – я сделаю всё от меня зависящее, чтобы вы мне в конечном итоге поверили, – я никого не насиловал, а также не убивал.

Засим разговор, проходивший в подземной камере, посчитался законченным, и все четверо полицейских направились в специальное помещение, надлежаще оборудованное для подробной фиксации дознавательской процедуры [где каждое лишнее слово (либо же действие) может стать роковыми как для одной стороны, так в той же мере и для иной].

Квадратная комната, в которой четырём полицейским предстояло находиться ближайшее время, угадывалась небольшими размерами, смотрелась слегка затемнённой, окрашивалась в серый, невзрачный, пугавший оттенок; в самом центре угрюмо стоял металлический стол, слегка удлинённый и надёжно прикрученный к полу; с каждого торца прочно крепились две деревянные табуретки. Никакой другой мебели в помещении не было, а на единственном небольшом окошке нагнетала невеселые мысли прочная, стальная решетка. Прямо посередине стола, разделённого на две части невысокой перегородкой, красовался портативный аппаратик, в простом обиходе именуемый техническим полиграфом. Дениса усадили на табурет, оказавшийся ближе к выходу, а областной оперативник уселся под единственным оконным проёмом – специально, чтобы поступающий свет падал на лицо подозреваемого, не позволяя ему утаивать мимическую игру, и чтобы сам он имел выгодное преимущество, оставаясь в полузатенённом пространстве. Остальные участники следственного действия расположились, к примеру, кто где: Бесстрашный, скрестив на груди могучие руки, застыл в центре маленькой комнаты, но немного сбоку от протянутого стола; Карелин, сложив за спиной немаленькие ладони, отошёл к решётчатому окошку и придавал себе отрешённый вид, будто внимательно изучает голубое, бескрайнее небо, мизерным клочочком виднеющееся снаружи.

– Давай, Градов, первым делом поговорим без детектора лжи, – постепенно переходил Сазонов к активной части вопроса, – попытайся нам всё-таки объяснить: как же так получилось, что следы преступника привели к твоему поселковому съёмному дому? Поясню, помимо служебной собаки, сложившуюся ситуацию изучил специальный сотрудник-эксперт и дал неоспоримое заключение, что обувные отпечатки, найденные у обезглавленного трупа и твоего жилища, – они полностью идентичны. Ещё он утверждает, что предполагаемый преступник спокойно добрался до дома, а следом словно бы растворился на территории приусадебного участка. Как ты понимаешь, сделанное наблюдение означает одно...

– Что настоящий убийца непременно побывал во внутренних помещениях, – договорил за опытного подполковника младший оперуполномоченный.

– Не исключается, – наполовину согласился грамотный офицер, утвердительно кивнув головой, – именно поэтому с тобой и не стали разговаривать сразу, а ожидали официального заключения. Теперь – как ты понимаешь – имеются полные доказательства, что маниакальный злоумышленник, бесспорно, побывал рядом с твоим служебным жилищем.

– То есть, – ухватился Денис за последнее изречение, словно током прошедшее через молодое, подвижное тело, – Вы сказали, что зверский злыдень дошёл до приусадебного участка, но у Вас нет точной гарантии, что он заходил вовнутрь ветхой...

– А чему, собственно, ты удивляешься? – резко повернулся сучавший Карелин (как не покажется странным), высказавший случайную мысль, хотя и простую, но всё же логичную: – Ты «замочил» развратную потаскуху, поглумился над ней – как следует! – затем бросил, покойной, в лесу, а сам неторопливо отправился к дому. Однако! Зайти в жилые помещения ты всё-таки не успел, так как поступил срочный рабочий вызов, требовавший немедленно выходить на службу.

Со вчерашнего вечера у Градова забрали на экспертизу личную обувь, и теперь его обуяли неслабые подозрения: не даст ли специалист криминальной службы официальное заключение, что она идентична и полностью совпадает? В положительном случае, он действительно будет целиком потерянный человек: при вновь открывшихся обстоятельствах, как-нибудь оправдаться и доказать невинную непричастность – эх, на это не останется практически никакой возможности! Он вновь помрачнел и, печально загрузив, опустил пониже туманные очи, наполнившиеся безутешными, скупыми слезами.

– Что говорит экспертный сотрудник? – выдал из себя молодой человек, пуше прежнего подвергнутый нервной дрожи, лихорадочно теребившей сильное тело (он ожидал, что вот-вот поставится окончательная точка как в его печальной судьбе, так и несостоявшейся полицейской карьере).

– Он даёт неоспоримое заключение, что подошвенный рисунок не совпадает, – спокойным голосом промолвил региональный оперативник.

– Вот видите! – словно сбросив угнетавшую ношу, обрадованно выдохнул воодушевлённый оперативник. – Я же вам говорил, что я здесь совсем не при чём.

– Это вообще ничего не значит! – резко оборвал его радостное волнение Герман Петрович, не желавший рассматривать альтернативные версии (он уже отчетливо различал, как его недавнего подчиненного заковывают в стальные наручники и как он плачущим голосом желает признаваться в совершении жестокого преступления), – ты же не простой какой-нибудь парень, гм? – он презрительно усмехнулся. – Ты всё заранее хорошенько продумал и прихватил с собою пару запасных штиблет – вот только-то и всего! Дойдя до дома, переобулся, после чего ненадолго зашёл вовнутрь и сжег преступную обувь в заранее затопленной печке.

– Однако? – в вопрос, становившийся перекрестным, вмешался молчаливый начальник УГРО, – Тогда, Гера, – Бесстрашный допускал с равнозначным сотрудником неофициальное, фамильярное обращение, – выдвинутое предположение серьёзно разнится с твоими же недавними доводами: ты утверждал, будто бы во внутреннее пространство подозреваемый парень не

заходил, а сразу же отправился по телефонному вызову. Да и! Неказистую избёнку мои доблестные ребята осмотрели необычайно внимательно, и, можешь поверить, печка оказалась нетопленной. Как ты теперь-то объяснишь непонятный поворот своих же собственных мыслей?

– Все очень просто, – не желал сдаваться упрямый поселковый начальник, считавший личное мнение единственно правильным, – он уничтожил её каким-нибудь другим, более хитрым, способом.

– Каким? – не унимался Алексей Николаевич, пытавшийся если и не защитить предполагаемого преступника, то хотя бы вынудить Карелина не мешать проведению следственного мероприятия и не озвучивать нелепые, фактически не подкреплённые, версии.

– Ну-у... я не знаю, – развел руками Герман Петрович, – если не сжег, тогда куда-нибудь непременно спрятал... Я думаю, мы за тем и собрались, чтобы всё подробненько выяснить. А вы?! Словно в проворные адвокаты к «подленькому мерзавцу» набились – только и делаете, что защищаете его да оправдываете. И только я один пытаюсь подвести кровавого преступника говорить хотя и суровую, но чистую правду.

– Хорошо, – ивановский подполковник посчитал, что и он обязан вмешаться в бессмысленный разговор, никчёмный и бестолковый, – если кто не знает, никаких ботинок, бывших обутыми на вероятного преступника, не удалось обнаружить даже с помощью обученной поисковой собаки. Кстати, вместе с местным экспертом, и вплоть до настоящего времени, она продолжает работать – оба они осуществляют поиски дополнительных доказательств. Говоря о нас, давайте, наконец, допросим подозреваемого юношу непосредственно по существу его незавидного положения.

– Как хотите, – махнул рукой начальник поселкового отделения, возвращаясь на прежнее место и принимая безучастное выражение, – в старые добрые времена никто бы с «плаксивым подонком» особенно не сюсюкался, а вмиг бы развязали ему лживый язык и заставили бы говорить – необходимую! – правду. Противно смотреть, во что превратили доблестную милицию.

Он ещё несколько секунд поворчал, вспоминая заслуги давно минувшего времени, а после всё-таки замолчал, позволив остальным сотрудникам вернуться к официальной беседе, прерванной в связи с его неутомной и неуёмной активностью. Ивановский оперативник (видимо осознав, что в присутствии неординарного человека, каким являлся Карелин, нормального допроса не получится вообще) решил перейти к основной его фазе, то есть подключить испытуемого сотрудника к детектору лжи.

– Ты сказал, Денис, что согласен пройти цифровой полиграф, – уточнил он ранее пожелание, – принятое решение не поменялось?

– Нет, – с готовностью откликнулся Градов, искренне желавший закончить неприятную, если и не отвратную процедуру (по крайней мере, склонить «чаши весов» либо в ту, либо в другую сторону), – я буду рад развеять все накопившиеся сомнения.

Сазонов уже закрепил электрические контакты, и даже включил вычислительный аппарат, намереваясь задать первые, тестирующие вопросы, как во входную дверь осторожненько постучали. Почти сразу, не получив согласного разрешения, она широко распахнулась, и на пороге возник молодой, худощавый сотрудник, одетый в сержантскую форму. Возбуждённым голосом он отчитался:

– Вас срочно вызывают наверх, – сказал он, имея ввиду местное руководство, – велено прекратить любые допросы.

Как водится в таких ситуациях, простые сотрудники, приносящие недобрые вести, сами ничего толково не знают, в подробные объяснения не пускаются, но всем напыщенным видом показывают, что порученное дело настолько важное, насколько им ни в коем случае не стоит пренебрегать. Полагая, что случилось нечто крайне серьёзное, трое старших офицеров недоумённо переглянулись. В силу заведенной традиции, выспрашивать у посыльного никто ничего

не стал, а избавив «повинного» сотрудника от закреплённых проводков, отвели его обратно, в узкую камеру, а сами отправились исполнять первостепенное приказание.

Не понимая, что могло приключиться сверхординарного, неожиданно срочного (что преврался архиважный допрос), Градов, оставшись один, забеспокоился ещё больше. «Уж лучше бы побыстрее всё разрешилось, – думал он про себя, – и пришли бы к какому-нибудь единственному решению, чем мучить меня и беспрестанно тиранить, – сомнительная неясность угнетает хуже всего». Невесёлые, если не прискорбные мысли промелькнули во встревоженном мозгу изначально; но постепенно они пустились в диаметрально ином направлении. «Хотя, с другой стороны, – свербило в беспокойной головушке, – зачем их могли так резко позвать к вышестоящему руководству? Очевидно, появились какие-то серьёзные обстоятельства, касающиеся непосредственно моего непутёвого дела. Скорее всего, нашли ботинки преступника? Хм, если те прятались в моём доме, то тогда подстава будет просто конкретная! И вот здесь я, безусловно, пропал, потому что в настоящем случае не надо будет никаких признательных показаний – неоспоримые доказательства окажутся налицо, и, соответственно, отпадёт насущная необходимость тестировать меня на каком-то детекторе лжи. Нет, меня попросту оставят в занимаемой камере, а сами пустятся побыстрее сшивать уголовное дело и оформлять законное задержание. Последняя процедура мне отлично известна – сам не раз уже подвергал ей закоренелых преступников – и теперь от меня уже ничего не станет зависеть».

В тот невесёлый момент железная створка с грохотом распахнулась, и на пороге возник улыбающийся начальник уголовного розыска. Шутливым тоном он развеял любые сомнения, способные возникнуть у унылого подчинённого:

– Всё, Денис, давай-ка собирайся на выход – и непременно с вещами!

Отданное приказание могло означать одно: у ушлых оперативников появилась достоверная информация, окончательно его оправдавшая и очистившая перед остальными сотрудниками. Так, по сути, и получилось. Бесстрашный повёл молодого сотрудника в экспертную лабораторию, где Кубаев Андрей поведал им специальные выводы:

– Сегодня с утра, по приказу высшего руководства, я снова отправился осматривать вчерашнее происшествие, а заодно и жилой дом, к которому привели преступные отпечатки. Если честно, ещё со вчерашнего дня меня не покидало странное ощущение, точно что-то мы недоделали либо недосмотрели; меня не оставляла навязчивая идея, будто дошлый убийца дошёл до твоей избёнки, – он кивнул на Градова, – а затем словно бы испарился, знаете ли, каким-то неведомым образом, не оставив никаких дополнительных отметин, не ведших ни внутрь помещения, ни куда-то в другую сторону. Меня терзали смутные подозрения; я стал осматривать близлежащую территорию, изучая ее более чем детально, и не представляешь, к каким конечным выводам я пришёл?

– Нет, – честно признался младший оперативник, с огромной надеждой поглядывая на опытного специалиста-эксперта.

– Так вот, обходя запущенную территорию, я перешёл на смежное, примерно похожее, захолустье, и какого же было мое удивление, когда на расстоянии не менее чем ста двадцати метров от формальной точки, где обрывается след, я обнаруживаю его оригинальное продолжение. Я сразу понял – нет ничего удивительного, что поисковая собака его вчера потеряла. И тут меня осенило! Приусадебный участок густо порос различными плодовыми насаждениями, отстоявшимися друг от друга на незначительном удалении. На что же пошёл хитрющий преступник, чтобы окончательно спутать нам натуральные карты? Спокойно подойдя к неогороженному дому, он забрался на одну из раскидистых яблонь, а далее, уподобившись пронырливой обезьяне, перебрался по близлежащим деревьям, проявляя чудеса небывалой ловкости и двигаясь до тех пор, пока не достиг соседнего дома. Я прямо сейчас отчетливо вижу, как он спускается вниз и злорадно посмеивается. Дальше – что установлено ещё и кинологической службой – подозреваемый преступник спокойно дошёл до шоссе и сел в классический

автомобиль «Жигули», оставленный у ближней обочины, а оттуда отправился в неизвестное направление.

– Помимо прочего, – вмешался начальник уголовного розыска, – за истекшие сутки нам удалось прояснить, что два убийства, аналогичные по свойству и содержанию, произошли в две тысячи восемнадцатом году на территориях соседних областей, Владимирской и Нижегородской, причём как раз в тот самый момент, когда ты изволил проходить срочную военную службу. Тем самым ты создал себе неоспоримое алиби – о полной непричастности к обоим похожим случаям.

– Правда? – удивлённо и чуть не плача воскликнул Денис, не помнивший себя от нескончаемой радости [что ему (вроде бы как?) безобидно посчастливилось избежать и страшного, и стойкого подозрения (успев немного познакомиться с повсеместно принятой системой доказывания, где улики собирались в том числе и такими людьми, как Герман Петрович Карелин, он совсем не исключал потенциальной возможности, что понесёт незаслуженное наказание за чудовищное деяние, которого, по сути, не совершал)].

– Истинная, – подтвердил Бесстрашный, незримо посмеиваясь в рыжеватые усики, а в беззлой душе восторгаясь, что ему удалось успешно отстоять очернённого парня и не позволить административной машине перемолоть его словно никчемное, ни к чему не годное, существо, – только я не знаю, как ты будешь работать с Карелиным дальше? Может, тебе перебраться в райцентр? Здесь и технических условий побольше, да и сама работа поинтересней.

– Возможно, так, и действительно, будет лучше, – согласился младший оперуполномоченный, на собственной шкуре испытавший деловую безграмотность и преднамеренную предвзятость, прочно укоренившиеся в характере поселкового подполковника, – только вначале мне надо вычислить отъявленного мерзавца, бесцеремонно меня подставившего, а уже потом решать с действительным переводом.

– Хорошо, – не настаивал Алексей Николаевич, прекрасно понимавший, какие бури бушуют в характере молодого сотрудника, – я тебя понимаю. Только с нынешнего дня ты выходишь из карелинского подчинения и переходишь в мое личное ведение – с руководством я сам «обращаю» – и находишься в Нерше как бы в недолгой командировке. Вечером, ежедневно, делаешь подробный доклад, какие мероприятия провел за истекшие сутки и какие планируешь на следующие, а также по нарастающей.

Едва он договорил, дверь экспертной лаборатории широко распахнулась, и в техническое помещение вошёл всё тот же самый сержант, несший службу в качестве помощника дежурного по отделу, и, запыхавшись, промолвил:

– У нас очередное убийство, и опять на территории вашего населённого пункта, – кивнул он на Градова, – так что немедленно собирайтесь на оформление особо тяжкого происшествия.

– Я ночью был в казематной камере... – невольно вздрогнув, почему-то сразу же уточнил молоденький сыщик (и вновь по нему побежала нервная дрожь, не предвещавшая ничего благоприятного либо хорошего).

– Мы это знаем, – озадачился и Бесстрашный, ещё минуту назад казавшийся неподдельно веселым; незатейливо, в свойственной ему манере, он строго распорядился: – Всё, нечего здесь «сопли жевать»; быстро собираемся – и тотчас на выезд!

На скорые сборы ушло не более десятка минут, и Градов, так и не подкрепившись, прыгнул в славный «уазик» начальника уголовного розыска, где уже надменно восседал подполковник Карелин. Едва все нужные люди собрались, разносторонняя троица устремила осматривать очередную, бесчеловечно убитую, жертву. Едва «оперская» машина тронулась, Герман Петрович повернулся назад, уставился на примостившегося юнца и злобно, словно поганый уж, прошипел:

– Даже не надейся, хитрющий «паскудник», я выведу тебя на «чистую воду», и твои бездушные преступления окупятся должной сторицей. Ты, наверное, думаешь: ага, вот вам новый

труп, а я в это время спокойненько в тюремной камере был. Так знай: я обязательно вычислю твоего второго сообщника и самолично застегну на ваших поганых ручонках стальные наручники.

Непримиримое поведение, вкупе с произнесенными обвинениями, яснее-ясного давали понять, что поселковый начальник окончательно уверился в навязчивой мысли, что беспощадным маньяком является не кто иной, а именно подчинённый сотрудник – и ничто, на всём белом свете, не разубедило бы его в укоренившемся наваждении. Бесстрашный взглянул на помрачневшего молодого оперативника, одарил предвзятого подполковника неприветливым взглядом и грубо заметил:

– Оставь его, Гера, в покое. Если ты настолько недалновиден, что продолжаешь считать его причастным к свершившимся преступлениям, то мы оставим надуманные мысли исключительно за тобой. Что ж поделать? Только обзаведись, пожалуйста, вескими доказательствами, а не обвиняй никого голословно, как ты всегда поступаешь, предпочитая признательные показания выбивать, а не добывать их профессиональными, законными способами. Есть что по делу – высказывай, а нет – оставляй-ка парня в покое. Кстати, тебе он больше не подчиняется: я договорился с районным начальником и его передали в мое непосредственное и полное подчинение.

– Вот поди и найди ему служебное помещение в моём городке, где он дальше – после всего случившегося – будет работать, – неприветливо фыркнул Карелин, отвернув к боковому окошку напыщенную, злую физиономию, – а я его в свой отдел не пушу – ни за что!

– Это не твой полицейский пункт, – неприветливо ответил Бесстрашный, выводя ведомую машину на центральную проезжую часть, – и никто тебе не позволит распоряжаться им по собственным усмотрениям. Надо?! Я и второй вопрос с рачительным руководством по-быстрому «обрешу».

– Да?! – резко повернулся к сердобольному майору Герман Петрович. – Может быть, и командовать «туда-мест» поедешь? Чего уж там, забирайте у меня всё – и тогда посмотрите, что вас ожидает, если меня не станет... Вмиг захлестнёт дикая, лихая преступность, потому что только – я! – единственный, способен сдерживать её на полагаемом уровне.

С непробиваемой, твердолобой самоуверенностью и излишней самовлюбленностью спорить было бы глупо, да и попросту бесполезно. Однако Алексей Николаевич тем и славился, что никогда никому не уступал и всегда умел постоять как за себя самого, так и в точности за других, небезразличных ему людей. Подтверждая несокрушимую твердость, он махом осадил своенравного офицера, бросив ему короткую реплику:

– Скажут – поеду, и тебя «подвину» – даже не сомневайся!

Остаточный путь проходил в многословном изъяснении достигнутых Карелиным славных заслуг: во-первых, что на протяжении (стольких!) лет отдаёт все личные силы борьбе с районной преступностью; во-вторых, что на вверенной территории сумел добиться неповторимых, едва ли не блистательных результатов; в-третьих, что все противоправные действия у него практически всегда бывают раскрыты; в-четвёртых, что (такой!) единственный в своём роде и без него всё сразу похерится; в-пятых, что вышестоящие начальники непременно не раз пожалеют, как не ценили незаменимого, опытного, грамотного руководителя. Его душевные излияния походили на старческое бурчание, и ни Бесстрашный, ни Градов никак на них особо не реагировали. И тот и другой прекрасно осознавали его частичную правоту: преступные элементы его боялись, а где-то и нехотя уважали; действительно, он мог и приструнить, и призвать к порядку любого, даже неподдающегося никакому воздействию, отморозка. Именно за приведённые качества и держали на полицейской службе высокомерного, деспотичного, сумасбродного человека, и поручали ему наиболее проблемную местность, изобиловавшую бездушными убийцами, беспринципными грабителями, серийными насильниками и прочими негодьями.

Наконец, через сорок минут скоротечной езды, они прибыли в запущенный парк, некогда облюбованный отдыхающими поселковыми жителями. В нынешнее время там всё настолько поросло и высохшим бурьяном, и густыми кустарниками, насколько считалось удивительным, как вообще здесь умудрились чего-то найти. В первую очередь встал вопрос о предельной давности обнаруженного покойника. На спорное обстоятельство указал неугомонный подполковник Карелин:

– Ещё не факт, что очередной мертвяк находится здесь в пределах текущих суток, так что твоё хлипкое алиби, Градов, рассыпается словно мелкий придорбжный песок. Позаботься-ка теперь лучше о знающем адвокате, потому что никакой Бесстрашный тебе уже не поможет.

Он не смог удержаться от угрожающей реплики, ведь признавать, что он позорно ошибся, – для него считалось просто недопустимым. Именно через его ослиное упрямство многие люди уходили отбывать тюремное заключение за преступление, которого вовсе не совершали. Когда ему указывали на предположительную промашку, Герман Петрович говорил всегда однозначное: «Нет людей целиком невиновных – есть наша плохая работа, а если человек не совершал именно того непростительного проступка, за какой его посадили, то он непременно сотворил чего-то гораздо похуже; но мы про его гнусные проделки просто-напросто пока не узнали. Так что пусть идёт посидит; уверен, закрытое учреждение уберезит его от последующих незаконных деяний». Что в таком случае делать с основными злодеями, из-за его упрямой беспечности избежавшими уголовной ответственности, Карелин почему-то не уточнял, предпочитая переключаться на отвлечённую тему.

По прошествии десяти минут, пока активно изучали ближайшую местность, поиски нового трупа положительных результатов так и не дали. Все уже начинали склоняться к естественной мысли, что поступивший звонок может считаться липовым, так как в дежурную часть позвонил неизвестный [хотя и обладавший сильно завышенной гражданской позицией, но (почему-то?) всё-таки не назвавшийся]. Он обозначил примерное месторасположения, где находится мёртвое тело, и не распространился о конкретных координатах (возможно, он преследовал какую-то тайную, коварную цель?). Когда все уже стали подумывать, что случилась чья-то глупая шутка, словно повинуюсь какому-то странному стечению обстоятельств, на изуродованный труп, истерзанный немислимим образом, наткнулся молоденький сыщик, отстоявший от Бесстрашного на расстоянии каких-нибудь десять метров; он сразу же сделал обговоренную отмашку, возвещавшую об ужасной находке. Участники расширенных поисков немедленно оставили первоначальные направления и приблизились к незадачливому оперативнику. Как и в прошлый раз, они ужаснулись той жуткой жестокости, с какой маниакальный убийца измывался над очередной, безжалостно истерзанной, жертвой.

Судя по отличительным формам, ею оказалась молодая, красивая девушка. Она лежала на остамелой (закостеневшей) спине, выставляя на общее обозрение прелестные, сочные формы. Некогда модная одежонка, состоявшая из дешёвых предметов – коричневой болоньевой куртки, украшенной капюшоном и всевозможными блестящими женскими штучками, короткой матерчатой юбки, плотно облегающей широкие бедра, и однотонных, чёрных колготок – на момент осмотра являлась изрядно потрёпанной, а некоторыми местами болталась разодранными клочками; как и в первом случае, обуви не было. Опять создавалось неизгладимое впечатление, что прямо через носимые вещи в шикарное тело вгрызались чьи-то прочные, необычайно острые, зубы; простенькие колготки, повреждённые в интересном месте, и разорванная юбка не оставляли особых сомнений, что над умершей жертвой осуществлялось грубое половое насилие; подобно давешнему эпизоду, девичье сердце оказалось извлечённым из вскрытой груди; точно так же не виделось отрезанной головы. Кровяных выделений на земляном покрове практически не было, виднелась же она, единственно, на дбнелзья драной одежде. Последнее обстоятельство навело начальника уголовного розыска на очевидные размышления:

– Её убивали не здесь, а где-нибудь в другом месте, сюда же привезли уже полностью мертвой; также случилось и в первом случае. Тогда я ещё немного засомневался, думая, что «вчерашнюю» умертвили где-то поблизости, а потом оттащили мёртвое тело долбёй – чтобы получше запутать следы. Теперь мне больше чем ясно, что изошрённый маньяк пытается их в каком-то отдалённом убежище; в том же надёжном укрытии он совершает половые акты, отделяет необходимые органы, а от ненужных останков попросту избавляется – вывозит куда подальше. С первой девушкой он прошёл долгий путь от убогой машины – которую бросил недалеко от временного жилья молодого оперативника – а затем перепутал нам зачем-то всю предварительную картину, проложив натопанную дорожку, ведущую от оставленного трупа и до самого его дома. Почему он так поступил? Ответить пока затруднительно; вероятно, где-то, Денис, ты в нехорошем смысле с ним пересёкся, и теперь он желает взять да и попросту тебе отомстить. Какие планы вынашивал изворотливый монстр сейчас? Покуда сказать не могу: надо дожидаться авторитетных заключения и кинологов и эксперта, а тогда уже делать какие-то определённые выводы. Как старый оперативник, предположу, что, судя по следам классических «Жигулей», которые виднеются на подъездах к лесопарковой зоне и которые оставлены не долее чем нынешней ночью, в коварных задумках маниакальный убийца изгаляется не слишком-то сильно.

Маститый офицер говорил сухо, грубо, цинично, констатируя лишь очевидные факты. Присутствовавшие сотрудники понемногу начинали привыкать к ужасным, истерзанным трупам, оставляемым бездушным губителем, – их жуткий вид не вызывал уже противоречивых чувств, неоднозначных эмоций, наполненных бессильным негодованием, отвратной неприязнью и сдержанным омерзением. Все трое полицейских спокойно взирали на истерзанное женское тело, изучая его как искомый предмет, способный указать изначальный путь, ведущий к поимке безжалостного подонка-маньяка. Даже Карелину с его непримиримым упрямством возразить было нечего, и он молчаливо стоял, размышляя о чём-то насущном. Через десять минут, в силу занудной натуры и решив придерживаться занятой позиции до чьего-нибудь полного краха, он выразил её и грубоватым, и недовольным бурчанием:

– Всё равно никто меня не разубедит, что новый труп не подкинул тайный сообщник Градова. Увидев, что он попался, второй подельник решил сделать «ход конём» и отвести от первого соучастника первоначальное подозрение – вот вы все и «купились», и теперь идёте на поводу у хитро выделанных преступников. Молодцы! Дали им превосходный повод над вами хорошенечко посмеяться.

Высказанная фраза считалась поистине глупой, но Герман Петрович либо, и правда, ничегошеньки не осмыслил, либо отчаянно делал вид, что и сам верит в ту несусветную ересь, какую бессмысленно теперь преподносит. Устав его хоть в чём-то разубеждать, Бесстрашный оставил несуразное замечание без добросовестного внимания, тем более что подъехала оперативная группа, и всем пришлось включиться в прямую работу. Пока компетентные следователь и эксперт настоятельно фиксировали добытые доказательства, остальные сотрудники обследовали ближайшую территорию (в поисках иных улик либо полного исключения их предположительного наличия). Помимо перечисленных процедур, требовалось опросить законопослушных, ответственных граждан, чьи жилищные помещения располагались в непосредственной близости, вплотную примыкали к лесистой посадке. Как нетрудно догадаться, тщательно организованные поиски никаких положительных результатов не дали, а старательные исследования криминалистов (в том числе и кинологов) дополнительно подтвердили то первое предположение, какое недавно высказал начальник уголовного розыска, – жестокий маньяк-убийца, не оставив никаких следов, указывавших на истую личность, словно бы растворился, укатил в незримом, никому не ведомом, направлении.

Глава VI. Охота на девушку началась

Вацек, в голове у которого укоренилась навязчивая идея, что выжившая девочка непременно знает страшную тайну, сгнувшую в отцовской могиле, раздражённое нетерпение выказывал не в меру обычного.

– Буйвол! – прикрикнул он, придя к категоричному выводу. – Седлай коней, – подразумевались скорые сборы в дорогу, – мы отправляемся к больнице ветеранов войн, где находится неумершая «стервозка», бесконечно желающая, чтобы мы порадовали её личным благом посещением, хи-хи, – зловредный преступник гнусаво хихикнул, предполагая, что чёрная шутка вполне получилась, – любыми путями необходимо вырвать у неё томительный древний секрет, который не даёт мне покоя с того далёкого времени, когда наш туповатый босс распорядился расправиться с дебильным папашей – заметь, преждевременно! Знай я тогда все малые тонкости – мы бы с тобой давно жили как великие короли, и ни в чём не нуждались.

Копылин хотел было опять возразить, что они и так не испытывают никаких финансовых затруднений, но, вспомнив, что оправдался ещё недостаточно, предусмотрительно решил отмолчаться.

– Я готов, как и всегда, – ответил он простодушно, охотно, но в ту же секунду (сам не осознавая зачем?) проявил к опасному делу излишне расширенное внимание: – А почему ты предпочитаешь отправиться лично? Насколько я помню, грязную работёнку ты обычно поручаешь либо же мне, либо же более мелким браткам?

– Всё очень серьёзно, – понижаясь до зловещего полушёпота, пустился осторожный предводитель в подробные разъяснения, – и я не хочу, чтобы о затеваемой «делюге» проведаль бы кто-нибудь лишний – зачем нам ненужные конкуренты? Помимо прочего, ты должен отчетливо понимать, что мы имеем дело с отъявленными подонками, которые, не стесняясь, сто раз тебя продадут, десятки сдадут, а следом непременно убьют – если предложат хорошую цену.

– Что верно, то верно, – нехотя согласился извечный поделщик, как никто другой представлявший, с каким контингентом, скользким и ненадёжным, им зачастую приходится знаться.

Вацек собрался за каких-нибудь десять минут и, проходя мимо неизменного помощника лёгкой походкой, махнул отчётливым жестом, приглашая следовать за собой. На важное мероприятие он оделся по старой привычке, оставшейся с лихих «девяностых», в удобный спортивный костюм, коричневую кожаную куртку, надвинутую пониже «бандитскую» кепку. Всем воинственным видом Валерий показывал, что в неукротимом, почти маниакальном, стремлении он готов к любым испытаниям, и непродуманным, и безжалостным; ярким подтверждением служил еле видимый бугорок, выпиравший с левой части хлипкого туловища и позволявший предполагать, что там скрывается огнестрельное, боевое оружие. Копылин, не привыкший к строгим мужским одеяниям, по укоренившейся привычке одевался в одежные предметы, больше подходившие для активных тренировок, чем для серьёзных переговоров; поверху неизменно находилась просторная куртка, как и положено, изготовленная из коричневой бычьей кожи (массивному обладателю она полюбилась за многочисленные карманы, а главное, за превосходную способность хорошенько скрывать имевшийся при нём восьмизарядный ТТ).

Как и надлежит главе всего бандитского общества Ивановской области, Босс жил в солидном особняке, располагавшимся в спальном районе, носившим простонародное название Сортировка и находившимся на отдалённой окраине. Касаясь его короткого описания, он являл из себя трёхэтажный дворец, состоявший из множества комнат: первый этаж снабжался огромной залой – в ней проводились бандитские приёмы, или простые сходки, а также осуществлялся ежедневный моцион, направленный на потребление всяческих вкусовностей (там же, но уже в небольших помещениях, ютилась прислуга); на втором обжились преданные телохрани-

тели, готовые броситься как в любую «стрёмную» авантюру, так и в опасную, жестокую бойню; на всём третьем располагался лично хозяин, выделивший неизменному Буйволу махонькую каморку, считая его одним из самых верных людей и справедливо полагая, что будет намного лучше, если тот всегда будет присутствовать в шаговой близости. Именно по приведённой причине (когда хозяин роскошных апартаментов осуществлял ежедневный утренний туалет) большой бандит и восседал в просторном помещении, предназначенном у главного преступника для недолгого вечернего отдыха. Хорошо поняв недвусмысленный жест, он моментально вскочил и последовал за умным да крайне дотошным хозяином, бездумно отправляясь навстречу ожидающим рискованным приключениям.

На улице толпились многоликие сподвижники, в нетерпении ожидавшие дневных поручений, коими решит их озадачить преступный руководитель, никогда не оставляющий без грязной работы. Как и обычно, они хотели вытянуться по струнке, но так и остались стоять, ошеломлённые, когда увидели властного босса, выходящего в непривычном для всех простом одеянии (последние лет десять Вацек одевался исключительно в дорогие костюмы) и выглядевшего (принимая во внимание его небольшую комплекцию) несколько несуразно. Верховодившего бандита мало озаботило то негативное впечатление, какое он произвёл непривычным, умалявшим достоинства, видом. Не замечая недоверчивых взглядов, он резкими, отрывистыми фразами грубо распорядился:

– Сегодня у всех выходной! Можете использовать свободный день по личному усмотрению; но всем быть на телефонной связи – мало ль зачем понадобится?

Ошалелые приспешники непонимающе переглядывались друг с другом, а главный преступник, не пускаясь в подробные разъяснения, молча проследовал к массивному внедорожнику. Состроив недовольную мину, он занял привычное пассажирское место. Обычно Иван всегда усаживался назад, но сейчас (поскольку они не захватили коренного водителя) ему пришлось устроиться на водительском кресле. Поняв поведение зловерного друга, как молчаливое приказание отправляться, Копылин легко запустил прогретый двигатель и вывел быстросходный внедорожник за металлические ворота, снабженные электромеханической системой открытия. Мягким накатом, шуршавшим по асфальтированной дорожке, они оказались на основной дороге. Бездумный громила мгновенно прибавил топливный газ, устремляясь к назначенному пункту, выбранному продуманным предводителем.

На подъездах к больничному госпиталю (когда беспечный водитель засобирался подъехать напрямую с переднего входа) Валерий, напряженно размышлявший о чём-то насущном, неожиданно отвлекся от занимавших раздумий, недовольно поглядел на глуповатого друга, неразумно управлявшего доверенным транспортом, и зловеще, полушёпотом прорычал:

– Ты чего, Буйвол, вообще с дуба рухнул? Ты что, приступом собираешься областную больницу взять? Как ты с переднего входа сможешь выкрасть интересующую девіцу?

– Но я подумал, – неуверенно разъяснял Копылин поспешное поведение, – что мы приехали сюда просто-напросто выяснить, здесь ли находится «аварийная» девушка?..

– Ага, – резко оборвал его худошавый, тщедушный, но злой человечиска, – и справиться о её дурном самочувствии?! Ты совсем, что ли, тупой или только всегда прикидываешься? На кой, спрашивается, «хрен» она нам нужна в больнице? Как ты здесь собираешься выведать хранимые тайны? А самое главное, кто тебе позволит хорошенечко её «потиранишь»? Налетят наши «мёньшие братья», одетые в красненькие погоны, а потом целых полдня уйдёт, чтобы объяснить вначале, что ты не верблюд, а затем, что ещё и не гималайский – как было в том знаменитом ролике, снятом в далёких «шестидесятых».

– «Затормозил», извини, – искренне признался большой человек, с лёгкостью управлявший иностранной машиной и продолжавший гнать её перед фасадной больничной частью, но теперь уже, правда, на значительно заниженной скорости; мысленно он раздумывал, что именно предпримет непредсказуемый предводитель и куда ему следует двигаться дальше,

вслух же простодушно сказал: – Я только предположил, что раз она после тяжёлой аварии, то наверняка находится в бессознательном состоянии, а значит, что нам толку от неё – от бесчувственной?

– Сразу видно, что тебе не дано стратегически мыслить, – самодовольно ухмыльнулся кичливый бандит, не скрывая подчёркнутого презрения, – мы быстрее-быстрого приведём её в чувство – даже не сомневайся! – а вот тогда, учитывая болезненную беспомощность, общаться на откровенные темы окажется много проще; да и пыточное время значительно сократится, – Вацек резко прервался, а повысив голос, грубо скомандовал: – Давай уже заворачивай!

Они как раз достигли Пограничного переулка, и звероподобный мужчина, управлявший машиной и давно ожидавший примерно чего-то похожего, вовремя среагировал и успешно повернул в указанном направлении. Попутно он проявил небывалую осведомленность и удивительные чудеса логической мысли (как не покажется удивительным?), сообразив, что именно намеревается предпринять невзрачный, зато слишком уж предприимчивый спутник:

– Если ты собираешься, Босс, проникнуть с заднего входа, то я бы не посоветовал.

– Это почему же ещё? – выразительно усмехнулся Валерий, превосходно догадываясь, в чём верный товарищ желает предостеречь.

– Потому что, – пустился разъяснять огромный верзила, проезжая мимо опущенного шлагбаума, – как ты видишь, вход закрытый и хорошо стережётся; по-моему, нас туда не пустят.

– Интересно, «...твою мать»? – не удержался маленький, но рискованный мужчина от пренебрежительной матерщины. – Давно ли мы стали спрашивать чьего-нибудь разрешения?

Вспоминая былые девяностые годы, где они никогда не церемонились ни в таких, ни в подобных им случаях, Копылин сообразил, что злобный предводитель имеет ввиду; он печально вздохнул, потому как с нескрываемой грустью отчётливо осознал, чем в ближайшее время им вновь предстоит заниматься. Тем временем Валерий, высмотрев, что ему требовалось, и приняв какое-то нескоординированное решение, выходящее за рамки обычных понятий, грозно распорядился:

– Давай разворачивай и подъезжай к больничным воротам.

Он подразумевал разноцветный шлагбаум, и звероподобный детина хорошо его понял – он направил управляемый автомобиль к кирпичной будке, возле которой устанавливался непрезентабельный механизм, хлипко преграждавший путь, ведущий во двор травматологического лечебного заведения.

– Застукают ведь?.. – печально предположил большой человек, давно уже отвыкший от активных проявлений преступной активности (благополучно переложив их на плечи молодых, неразумных ещё, побратимов).

– Совсем, что ли, Буйвол, уже остарел, – злорадствовал мелкий бандит, находившийся в предвкушении серьёзного дела и в нетерпении ёрзавший от знакомого нервного возбуждения, – где наши былые, славные годы? Сейчас мы их вспомним и не забудем повеселиться. Не бзди, Ивашка, мы непременно прорвёмся!

Они остановились перед закрытым подъёмником, и Вацек, на ходу выскакивая из мощного внедорожника и зло усмехаясь, скрипучим голосом бросил:

– Следуй за мной!.. Сразу как поставишь машину.

Верный отмороженному товарищу и ни секунды не размышляя, Иван порезче затормозил, отпустил рулевую баранку и, привычно заглушая двигатель, устремился вслед за «безбашенным» предводителем. Тот уже забегал в высокую будку, где томно посиживал одинокий охранник. Тот не отличался небывалой физической силой, однако на вид представлялся физически крепким, да ещё и обладавшим исключительным присутствием духа; ростом он вряд ли превысил средний, виделся коренастым и отличался как уверенным взглядом, так и хладнокровными чертами лица. Оделся ответственный привратник, как и положено, в чёрную форму,

выдававшую представителя частного охранного предприятия. Когда в его крохотном помещении ни с того ни с сего появился незнакомый шальной отморозок, по озлобленной мине не предвещавший ничего привлекательного, натренированный охранник, оставаясь верным служебному долгу и моментально реагируя на нестандартную обстановку, сдёрнул с поясного ремня электрошоковое устройство; почти одновременно он прихватил со стола резиновую дубинку и с криками «Вон! Куда прёшь?!» кинулся на удалбого противника, стараясь его опередить и не позволить вступить в борьбу первым. Вовремя выставленный, пистолет ТТ мгновенно охладил разгорячённый пыл ревностного защитника, поставленного охранять задние больничные подступы от любого, даже внезапного, нападения; огнестрельное оружие заставило его замереть как вкопанному, а чуть придя в себя, немного попятиться взад, как бы отстраняясь от недружелюбного, крайне опасного, неприятеля. В тот же самый момент в охранном помещении, где рабочее место представлялось пультом управления, установленным у окна и позволявшим издали взаимодействовать с подъёмным шлагбаумом (а также поддерживать телефонную связь со штабом организации), появился большой человек, без наличия огнестрельного оружия позволявший представить, на чьей стороне окажется значительный перевес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.